

Бертрам
СМОЛЛ

Филиппа

Бертрис Смолл

Филиппа

Серия «Гарем Бертрис Смолл (АСТ)»

Серия «Наследницы

Фрайарсгейта», книга 3

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137679

Б. Смолл. Филиппа: АСТ, АСТ-Москва; Москва; 2019

ISBN 978-5-17-114905-5

Аннотация

Наследница замка Фрайарсгейт, прекрасная Филиппа Мередит, обманутая женихом, поклялась никогда больше не доверять мужчинам – и с удовольствием окунулась в невинные забавы блестящего двора Екатерины Арагонской. Но судьба уже подстерегала ее – красивый, умный, изысканный придворный Криспин Сент-Клер, граф Уиттон, пробудил в душе Филиппы невероятные желания. Казалось бы, девушку ожидало счастье... Однако случайно Филиппа узнала страшную тайну – и теперь гибель угрожает и ей, и Криспину...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	12
Глава 2	39
Глава 3	67
Глава 4	94
Глава 5	121
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Бертрис Смолл Филиппа

Bertrice Small
Philippa

© Bertrice Small, 2004

© Перевод. Т. А. Перцева, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2019

* * *

*Возлюбленному мужу Джорджу от обожаемой
жены.*

Вечности совсем недостаточно...

Пролог

Весна 1519 года

– Я не могу жениться на тебе, – без обиняков объявил Джайлз Фицхью Филиппе Мередит, чей прелестный ротик в изумлении раскрылся при столь неожиданном откровении.

Стоял май, и двор перебрался в Гринвич. Деревья зелене-ли свежей листвой, а в воздухе стоял пьянящий аромат ран-них цветов. За садами королевского дворца под ярким солн-цем величаво, словно колеблемая легким ветерком шелко-вая лента, медленно тянулась Темза, неся свои воды к морю. Самое подходящее место для романтических свиданий. Не для бесповоротного разрыва.

В первое мгновение Филиппе показалось, что сердце оста-новилось. Перестало биться. Но нет. Она еще жива.

Девушка сжала губы и попыталась осознать только что услышанное. Виски пронзила пульсирующая боль.

– Ты влюбился в другую? – едва выговорила она наконец.

– Нет, – коротко ответил он.

– В таком случае почему?! – вскричала она. – Наши семьи всегда хотели, чтобы мы поженились, а мне уже пятнадцать. Я готова к замужеству.

– Но официальной помолвки не было, – спокойно напоми-нил он. – Так захотела твоя матушка, дорогая.

В свои девятнадцать Джайлз был высоким и широкоплечим. Как и старший брат, он унаследовал рыжеватые волосы отца и мягкие голубые глаза матери.

– Зато все знают, что в один прекрасный день мы поженимся, – упрямо настаивала Филиппа, не в силах поверить, что Джайлз способен на такое бессердечие. – Но если это не другая женщина, тогда в чем же причина разлуки? – резко спросила она. Ей следовало бы рассердиться на него. О да! Очень рассердиться!

– Господь, – благочестиво ответил он, крестясь.

– Что?!

Она, должно быть, не расслышала. И теперь была окончательно сбита с толку. И это говорит тот Джайлз Фицхью, который в бытность королевским пажом всячески старался увильнуть от утренней мессы?! Мало того, неизменно избегал наказания, изобретая самые немыслимые причины своего отсутствия.

– Ты, конечно, шутишь! – громко рассмеялась она.

Но Джайлз покачал головой.

– Я хочу принять постриг, Филиппа, – продолжал он. – Собираюсь стать священником. Я учился в Риме с Реджиналдом Поулом, кузеном короля. Поверь, уезжая туда, я ни о чем таком и не думал. Все случилось неожиданно. Другого объяснения я предложить не могу. Это то, что мне необходимо, дорогая. Именно этого я хочу. Куда сильнее, чем жениться и обзавестись семьей.

– И давно ты так решил? – настаивала Филиппа, до сих пор не веря собственным ушам. Вздор! Абсурд! Джайлз? Ее Джайлз – священник? Нет!

– Я отправился учиться в Европу, Филиппа. Сначала в Париж, потом в Рим. Собирался познать тайны литературы и истории, посещать лекции, пить, драться и волочиться за девушками, как любой молодой человек моего возраста. В Париже все так и было.

Он ухмыльнулся, снова разбив ее сердце напоминанием о прежнем Джайлзе, в которого она влюбилась много лет назад.

– Но потом я очутился в Риме. И в этом древнем городе со мной что-то произошло.

Он умоляюще заглянул в ее зеленовато-карие глаза, словно не находя слов.

– И что же там случилось? – осторожно осведомилась она. – Расскажи подробнее, что там стряслось.

– Все началось с самого города, – медленно выговорил он. – Такой старый, что каждый камень в нем свят. И самый воздух наполнен звуками священных гимнов. Проникнут золотистым светом и благоговением. Рим так прекрасен, что щемит сердце. Не знаю, каким образом, но я вдруг понял, что родился, чтобы остаться там. Служить Господу каждой частицей своего существа. Поэтому я забросил все легкомысленные забавы и сосредоточился на миссии, к которой Он призвал меня. Воистину Господь выбирает тех, кого хо-

чет видеть слугами своими, дорогая. Я вернулся домой только ради того, чтобы сказать тебе это и получить благословение родителей. Поверь, они удивились не меньше, чем ты, но поняли и приняли мое решение. Мало того, счастливы моей преданностью святой матери-церкви.

– А вот я не понимаю и не принимаю! – взорвалась наконец Филиппа. – Ты предпочтешь целибат? Утомительное и однообразное служение в жалкой церкви или пыльных архивах женитьбе на мне?! Наследнице с собственными землями?! Ты второй сын, Джайлз! Союз между нами выгоден нашим семьям! Ты бы получил Фрайарсгейт, а я поднялась на следующую ступеньку в придворных кругах. Я любила тебя с десяти лет! И теперь ты утверждаешь, что я тебе не нужна?!

Слеза скатилась по щеке.

– Это не совсем так, Филиппа. Ты была очаровательным ребенком и выросла настоящей красавицей. Но я не люблю тебя так, как подобает мужу, а Бога люблю больше, – с жестокой откровенностью ответил он. – Мы встречались недолго и всего лишь однажды, когда ты впервые приехала ко двору. Потом ты вернулась в свой Фрайарсгейт, а когда снова прибыла в столицу, чтобы служить королеве, я уже уехал за границу. Ты любишь не меня, а скорее созданную тобой же мечту, и я уверен, что рано или поздно забудешь меня и справишься с горем. – Теперь его голос звучал чуть мягче.

– Я буду любить тебя до самой смерти, – поклялась Филиппа. – Невозможно поверить, что ты ко мне равнодушен!

Что выберешь унылую, тоскливую жизнь, вместо того чтобы жениться, иметь детей и собственные земли! Такого быть не может!

– Филиппа, мне не нужны твои земли. Для меня это место слишком холодно и неприветливо. Прежде чем приехать ко двору, я рос на юге, в приграничных землях, и вряд ли смог бы выжить в вашем суровом климате, так далеко от родных и друзей. Север отнюдь не славится своим гостеприимством, дорогая.

– Но не будет ли тебе одиноко в Риме? – возразила она. – Это куда дальше от твоего родного дома, чем Камбрия. И ты больше никогда не увидишь свою семью, если только не приедешь в Англию.

Она рассерженно смахнула слезы с хорошенького личика. Но Джайлз невозмутимо улыбнулся:

– По возвращении в Рим я приму духовный сан. Мне уже обещан пост в Ватикане на службе у самого папы. Похоже, у меня обнаружили скромный талант к финансовой деятельности, который может пригодиться церкви. – Он взял ее руку и, поцеловав, добавил: – Неужели ты не пожелаешь мне счастья, Филиппа?

Голубые глаза спокойно смотрели на нее. И в них не светилось никакого чувства, кроме разве жалости к ней.

Филиппа вырвала руку, размахнулась и отвесила ему звонкую пощечину.

– Нет, Джайлз, я не пожелаю тебе счастья. Ты разбил мою

жизнь. Ненавижу тебя! И никогда не прощу тебе предательства и унижения!

– Филиппа, пожалуйста, умоляю, постарайся понять, – пробормотал он, потирая щеку там, где ее ладонь оставила красный отпечаток на гладкой загорелой коже.

– Нет! Это ты попытайся осознать, что сотворил! Я приехала ко двору служить королеве в ожидании того, что когда-нибудь мы поженимся, несмотря на отсутствие формальной помолвки. И вдруг узнаю, что свадьбы не будет. Как ты мог поступить так со мной? В пятнадцать девушка должна выйти замуж, чтобы не остаться старой девой! Но на какую партию я могу рассчитывать теперь, отвергнутая человеком, который предпочел Бога жене из плоти и крови? Я стану посмешищем всего двора! Мишенью грубых шуток, ехидных намеков и насмешек шутов, до тех пор пока не появится очередной предмет скандала, а одному Господу известно, когда это случится. Поговори ты со мной несколько дней назад, и я получила бы титул апрельского дурака! Говоришь, что постиг свое призвание, как только приехал в Рим? Почему же сразу не написал отцу, или если не тотчас же, то хотя бы год назад? В этом случае моя мать сочла бы себя вправе искать для меня другого жениха! Или ты понятия не имеешь, сколько времени требуется, чтобы заключить достойный союз между такими семьями, как наши, тем более что обе недостаточно знатны? Ты был невероятно эгоистичен, принимая такое решение! Нет, этого я никогда не пойму, и не жди от

меня добрых пожеланий. Я не святая, Джайлз Фицхью, хотя ты, очевидно, стремишься к святости.

Джайлз гордо выпрямился.

– Очень жаль, что ты не можешь порадоваться за меня, – сухо заметил он. – Тем не менее я готов простить тебе ребяческие обиды. Обещаю всегда вспоминать о тебе с любовью и молиться за твое счастье.

– Иди к черту! – разъяренно выпалила Филиппа, снова замахнувшись. Сильный толчок послал Джайлза прямо в клумбу благоухающих дамасских роз. Пока он барахтался в колючих стеблях, пытаясь выбраться и тихо ругаясь себе под нос, девушка круто развернулась и с высоко поднятой головой устремила к Гринвичскому дворцу. Слезы снова хлынули у нее из глаз, но он уже не стал их свидетелем.

Джайлз тем временем почти выполз на дорожку, потирая исцарапанные в кровь руки. Кто бы подумал, что у малышки столь мерзкий нрав? Нет, Господь уж точно спас его от такой фурии! Ну что же, худшее позади. Теперь нужно поскорее вернуться в Рим. Несмотря на ее непристойное и не подобающее даме поведение, он будет молиться за эту дурочку. Если уж Господь возымел планы на него, Джайлза Фицхью, то наверняка уготовил что-то и для Филиппы Мередит.

Глава 1

– Почему ты не сказала мне? – набросилась Филиппа на Сесилию Фицхью. – В жизни еще не была так зла и несчастна! Мы лучшие подруги, Сесилия. Как ты могла скрыть это от меня? Не думаю, что когда-нибудь смогу тебя простить.

Серо-голубые глаза Сесилии наполнились слезами.

– Я не знала, – жалобно всхлипнула она. – Для меня это было таким же сюрпризом, как и для тебя! Мне сказали о решении брата только сегодня днем, после твоего разговора с Джайлзом. Отец признался, что от меня все скрывали, понимая, что я обязательно расскажу тебе, а этого делать не следовало. Только Джайлз был вправе сообщить такое известие. Но мой брат... Как он мог?! Мы должны были стать сестрами, а теперь ты выйдешь за другого!

– За кого? – шмыгнула носом Филиппа. – Я не знатна, и, хотя считаюсь богатой наследницей, мое имение на севере. Из-за себялюбия Джайлза, возможно, я останусь старой девой. Вспомни, сколько лет родители искали тебе подходящего жениха! И скоро ты пойдешь к алтарю, а я так и увяну в неизвестности!

Она трагически вздохнула.

– Если твой брат решил посвятить жизнь Богу, может, это знак, что я должна последовать его примеру? Мой двоюродный дед Ричард Болтон – настоятель монастыря Святого Кат-

берта, недалеко от Карлайла. Он наверняка знает, в какое аббатство я могу удалиться.

– Ты? Монахиня? – расхохоталась Сесилия. – О нет, дражайшая Филиппа, только не ты! Для монахини ты питаешь слишком большую любовь ко всему мирскому! Учти, придется отказаться от всех своих пристрастий: красивых платьев, драгоценностей и вкусной еды. Ты примешь обет монашеского послушания. Бедность, целомудрие и покорность – вот основные правила жизни в любом монастыре. Ты просто не сможешь быть бедной, податливой и сговорчивой, Филиппа, – объявила Сесилия, весело блестя глазами.

– Еще как смогу, – настаивала Филиппа. – Моя двоюродная бабушка Джулия – монахиня, как и сестры отца.

Сесилия от души рассмеялась.

– И что прикажешь делать, когда твой брат от меня отказался? – рассердилась Филиппа.

– Семья найдет тебе другого мужа, – рассудительно заметила Сесилия.

– Не нужен мне другой! – вскричала Филиппа. – Только Джайлз! Я люблю его и никогда не полюблю другого. Кроме того, кто захочет отправиться в добровольное изгнание на север, где находятся мои земли? Даже Джайлз сказал, что сама мысль о жизни во Фрайарсгейте нагоняет на него тоску. Не понимаю, почему моя мать так упорно его отстаивала? Я тоже не желаю там жить. Слишком далеко от двора!

– Ты говоришь это только потому, что обижена на бра-

та, – заметила Сесилия и тут же постаралась сменить тему: – Кстати, мой отец написал твоей матери, сообщив о решении Джайлза. Посланец отправится на север утром. Не хочешь заодно послать матери письмо?

– Конечно, хочу! – сказала Филиппа, поднимаясь. – Сейчас попрошу у королевы разрешения уйти.

И, не оглядываясь на подругу, спокойно вышла из комнаты. В свои пятнадцать она очень напоминала мать в том же возрасте: осанкой, стройной фигуркой и рыжеватыми волосами. Только глаза изменчивого зеленовато-карего цвета были унаследованы от отца.

Девушка приблизилась к королеве и присела в почтительном реверансе, ожидая разрешения говорить.

– Что тебе, дитя мое? – с улыбкой спросила Екатерина.

– Ваше величество, несомненно, слышали о моем несчастье? – начала Филиппа.

Королева кивнула:

– Мне очень жаль, Филиппа Мередит.

Девушка прикусила губу, обнаружив, что вот-вот расплачется, но все же вынудила себя продолжать:

– Лорд Фицхью завтра утром отправляет гонца на север. Если можно, пусть посланец захватит и письмо к моей матушке. С разрешения вашего величества я удалюсь, чтобы спокойно его написать.

– Считайте, что разрешение получено, дитя мое. И передайте матушке привет от меня. Добавьте, что если понадо-

бится помощь в поисках новой партии для вас, мы с радостью посодеествуем в столь важном деле, но, насколько я помню, ваша матушка всегда предпочитала принимать решения самостоятельно, – благосклонно заметила королева.

– Спасибо, ваше величество.

Филиппа вышла из покоев королевы, поспешив в спальню фрейлин, где могла остаться наедине с мучительными мыслями. Но к сожалению, в спальне оказалась девушка, по какой-то причине невзлюбившая Филиппу. Она прихорашивалась перед зеркалом.

– О-о-о, бедняжка Филиппа, – протянула она с деланным сочувствием. – Я слышала, сын графа Ренфру бросил тебя! Какая жалость!

Филиппа зло прищурилась:

– Я не нуждаюсь в сожалениях, Миллисент Лэнгхолм! Кроме того, это тебя не касается!

– Твоей матери придется немало потрудиться, чтобы найти тебе достойного мужа, тем более что все ваши земли далеко на севере, – промурлыкала Миллисент. – Так это верно? Джайлз Фицхью собирается стать священником? В жизни бы не подумала! Должно быть, так старался избежать брака с тобой, что готов на все!

Язвительно улыбаясь, она разгладила бархатные юбки и поправила французский чепец.

У Филиппы чесались руки отделать ее хорошенько, но положение и без того было достаточно неприятным. Не хвата-

ло еще навлечь позор на семью дракой с королевской фрейлиной!

– Не сомневаюсь, что Джайлз искренне верит в свое призвание, – бросилась она на защиту бывшего жениха, хотя на самом деле мечтала только об одном: живого места не оставить на негодые, так подло ее бросившем. Но вместо этого холодно процедила: – Поторопись, Миллисент. Королева искала тебя.

Сообразив, что вывести Филиппу из равновесия и подбить на безрассудство не удастся, Миллисент молча выбежала из комнаты. Филиппа открыла сундук, вынула шкатулку с письменными принадлежностями и уселась на постель. Закончив и запечатав письмо, она отдала его пажу и попросила отнести гонцу графа Ренфру.

Тот честно выполнил поручение, поскольку уже через несколько дней Розамунда, прочтя послание дочери, тихо вскрикнула.

– Мейбл, немедленно подай письмо лорда Фицхью! – велела она. – Быстро! Не успела я подумать, что наконец-то все улажено, как у нас снова начались трудности!

– Что случилось? – Горничная поднесла хозяйке свиток. – Что пишет граф?

– Минуту, – отмахнулась Розамунда, поднимая тонкую руку. – Ад и проклятие!

Она наскоро пробежала глазами пергамент и бросила на

стол.

– Джайлз Фицхью решил принять сан священника. Помолвки не будет. Негодяй! Впрочем, я никогда его не любила.

Мейбл негодуяюще всплеснула руками.

– Граф извиняется, – продолжала Розамунда, – и клянется, что по-прежнему считает и будет считать Филиппу своей дочерью. Предлагает помочь найти для нее другого жениха. Я должна послать в Оттерли за Томом. Хотя он уже несколько лет как не был при дворе, все же куда мудрее меня в подобных вещах. Бедная Филиппа! Отдать сердце такому подлецу!

– Священник! – вторила Мейбл. – Такой приличный молодой человек! Какая жалость! И наша несчастная девочка! Покинута в таком возрасте! Почему же он не сказал ей раньше?

– Именно, – согласилась Розамунда и, снова взяв письмо дочери, прочла еще раз, уже спокойнее. Закончив, она отложила его и покачала головой: – Филиппа утверждает, что ей ничего не остается, кроме как стать монахиней. Просит, чтобы я поговорила с дядюшкой Ричардом – он посоветует хороший монастырь.

– Вздор и глупости! – вознегодовала Мейбл. – Девочка просто расстроена, хотя кто бы мог в подобных обстоятельствах ее винить? Однако я просто не представляю мистрис Филиппу в монашеских одеяниях, что бы там она ни писала.

Розамунда рассмеялась:

– Да и я тоже. Моя дочь слишком любит жизнь и ее радости, чтобы отказаться от них. Попроси Эдварда сегодня же послать в Оттерли за Томом. И проследи, чтобы о посланце графа позаботились как подобает.

– Можно подумать, я сама не знаю, что делать, – проворчала Мейбл, отправляясь на поиски мужа. Слава Богу, что Розамунда догадалась послать за кузеном! Том Болтон знает, как поступать в подобных случаях, в отличие от мужа Розамунды, который просто вспылит, выйдет из себя и будет рвать и метать.

Через два дня Томас Болтон, лорд Кембридж, прибыл из своего имения Оттерли.

– Что за срочность такая? – проворчал он при виде кухни. – Надеюсь, дети здоровы? И где этот сорвиголова, твой шотландский муженек?

– Логан в Клевенз-Карне. Следит, как укрепляют стены. На границе беспокойно, с того времени как королеву Маргариту изгнали из Шотландии, – пояснила Розамунда. – Дети здоровы. А вот с Филиппой беда. Мне крайне необходим твой совет. Джайлз Фицхью решил стать священником.

– Иисусе и все ангелы небесные! – взвился Том. – И теперь наша девочка осталась ни с чем! В таком возрасте и без всякого будущего! Какая подлость! Парень, конечно, должен был предупредить нас заранее. Эти церковники так неразум-

ны! Так неосмотрительны! Единственная их забота – служение Господу. И при этом они не упускают случая стяжать все большие богатства для церкви.

– Дяде Ричарду вряд ли понравились бы твои речи, – рассмеялась Розамунда, но тут же, посерьезнев, вздохнула. – Что мне теперь делать, Том? О, понимаю, нужно срочно искать мужа для моей бедной дочери, но с чего начать? У нас в женихах был сын графа, а теперь? Сумеет ли мы найти такую же хорошую партию? И в довершение всего моя дочь угрожает уйти в монахини!

Томас Болтон хохотал так, что по лицу покатались слезы.

– Филиппа? Постриг? – едва выговорил он, смахивая со щек прозрачные капли. – Филиппа слишком любит мирскую жизнь и ее радости, чтобы позволить обидам загнать себя в монастырь. Из всех твоих дочерей, дорогая кузина, именно она была моей лучшей ученицей. Ее познания в драгоценных камнях поражают даже меня, а зимой она носит сшитые из тонкой шерсти нижние юбки на шелковой подкладке, без которой, по ее словам, шершавая ткань царапает нежную кожу. Вряд ли она потерпит грубые полотняные одеяния невест Христовых. Так что, дорогая, можешь не волноваться. Но Филиппа должна вернуться домой и переждать скандал, вызванный недостойным поведением Фицхью. Советую тебе послать письмо самой королеве и попросить отпустить Филиппу. Не сомневаюсь, что Екатерина будет достаточно великодушна, чтобы позже вновь принять ее на службу. Ну

а я тем временем подумаю о подходящем женихе для нашей девочки. Она созрела для замужества, но если мы упустим время, у нее не останется шансов.

– Согласна, – кивнула Розамунда. – Разумеется, Логан, узнав обо всем, начнет предлагать сыновей всех своих знакомых.

– Ну уж нет, ни один шотландец не подойдет Филиппе! – отрезал Том Болтон, качая головой. – Слишком она увлечена жизнью при дворе короля Генриха. И к тому же больше англичанка, чем ты, кузина.

– Знаю, но помоги мне с мужем, кузен! Ты же знаешь, как бывает упрям Логан, если что-то вобьет себе в голову.

– Вся штука в том, – пояснил лорд Кембридж, – чтобы этого не допустить. Но не бойся. Я знаю, как справиться с лордом Хепберном.

– Если не ты, то кто же! – усмехнулась Розамунда. – Но Логан ужасно разозлится, если сообразит, в чем дело.

– Ну уж я точно ему не скажу, – заверил Том, подмигнув кузине. – Интересно, что еще скажет королева, кроме того, что попытается найти другого жениха для Филиппы? Видишь ли, я не стал бы полагаться на нее в этом деле.

– И тут ты прав, – вздохнула Розамунда. – Однако если сейчас мы призовем Филиппу домой, боюсь, положение только усложнится. Если королева не отошлет ее по собственной воле, предлагаю оставить все как есть. Она уже не ребенок и должна научиться справляться с трудностями са-

мостоятельно. Это не последняя серьезная неприятность, с которой ей придется столкнуться, а хозяйка Фрайарсгейта должна быть сильной, чтобы удержать свои владения.

– Не забудь, – напомнил лорд Кембридж, – что королевский двор – это совершенно иной мир. Лично я давно осознал, что предпочел бы самые жестокие ветры Камбрии жизни при дворе. Поражаюсь, как мне удалось пережить те годы! Но если ты считаешь, что лучше оставить все как есть, склоняюсь перед твоими материнскими инстинктами.

– О, Том, – усмехнулась кузина, – только не говори, что после стольких лет сумел полюбить Оттерли и заодно мирную жизнь...

– Ну, – фыркнул он, – я уже не так молод.

Розамунда лукаво возразила:

– Вздор! Я совершенно уверена, что Бэнон не дает тебе ни минуты покоя! Она всегда была непоседой.

– Твоя средняя дочь – чудесная девушка. Она зажгла жизнь в моем доме, с тех пор как в прошлом году перебралась ко мне! Признаюсь, я был поражен, когда она попросила разрешения приехать, дорогая Розамунда. Но, как мудро заметила Бэнон, если ей предстоит стать госпожой Оттерли, нужно заранее приучаться вести хозяйство. Рано или поздно мы должны найти человека, достойного моей девочки.

– Однако прежде необходимо подумать о злключениях Филиппы, – напомнила Розамунда. – Итак, мы решили, что она остается на службе у королевы, если только Екатерина не

отошлет ее домой. И я поблагодарю королеву за предложение, но заверю, что семья Филиппы вполне способна решить вопрос о муже для нее. Таком, которому король и королева дадут свое благословение.

Томас озорно усмехнулся:

– Смотрю, ты не потеряла ни такта, ни сноровки, дорогая. Именно это и стоит написать. Просто идеально. И передай от меня Филиппе привет. А теперь, кухня, может, покормишь умирающего с голоду родственника? Что у тебя приготовлено? Только не предлагай кроличье рагу! Я хочу говядины!

Розамунда понимающе улыбнулась.

– И ты получишь ее, дражайший Том, – заверила она, хотя мыслями была уже далеко. Какой тон выбрать в письме к дочери? Стоит ли быть нежной? Или строгой? Избыток жалости так же губителен, как недостаток. Да, нелегкая предстоит задача.

Послание матери отнюдь не тронуло до слез Филиппу Мердит. Впрочем, и не утешило. Отшвырнув пергамент в приступе злости, девушка раздраженно вскричала:

– Ба! Фрайарсгейт! Вечно этот Фрайарсгейт!

– Что пишет матушка? – нервно поинтересовалась Сесилия.

– Дает какие-то странные советы! Разочарование, по ее словам, – одна из составляющих жизни, и я должна с этим смириться. Монашество – не ответ на мои проблемы. А разве

я считала иначе? Постриг – не для таких людей, как я. Вряд ли я подхожу для монастыря!

– Но всего несколько недель назад ты утверждала иное, – возразила Сесилия. – Вспоминала своих родственниц-монахинь. Разумеется, мы все нашли это довольно забавным. Ты сама понимаешь, дорогая, что не тебе об этом толковать!

– Ах вот как! – вскинулась Филиппа. – Значит, вы тайком смеетесь за моей спиной? А я считала тебя своей лучшей подругой!

– Я и есть твоя лучшая подруга! – возразила Сесилия. – Но ты стала такой благочестивой, рассуждала о Боге и служении ему, хотя все понимали, что монахиня из тебя никакая! Даже подумать об этом смешно! А что еще написала твоя матушка?

– Что мне найдут другого жениха. Такого, кто оценит меня по достоинству и поможет управлять имениями. О Господи, не нужен мне этот Фрайарсгейт, Сесилия. Я вообще не желаю возвращаться в Камбрию! Хочу остаться здесь, при дворе. Это центр всей моей вселенной! Я умру, если меня заставят вернуться на север! Я не моя мать! – с театральным вздохом объявила Филиппа. – О, Сесилия! Помнишь первое Рождество при дворе, которое мы встретили фрейлинами королевы?

– Еще бы! Его называли Рождеством трех королев. Королева Екатерина, королева Маргарита и ее сестра Мария, которая была королевой Франции, до того как овдовела. Они

встретились после долгих лет разлуки, и это было чудесно. Каждый день новые зрелища!

– А кардиналу Вулзи пришлось дать королеве Маргарите двести фунтов на покупку подарков к Новому году. У бедняжки не было ни пенни. Пришлось бежать после того, как шотландские лорды опротестовали завещание короля Якова и сделали герцога Олбани опекуном маленького короля. Не следовало ей второй раз выходить замуж, особенно за графа Ангуса.

– Но она влюбилась в него, – запротестовала Сесилия. – И он такой красивый.

– Она его вождедела, – поправила Филиппа. – Пойми, она была вдовствующей королевой! И отказаться от власти и положения ради какого-то юнца? Бросить все на ветер? Остальные лорды не желали, чтобы Шотландией правили Дугласы. Поэтому и выбрали нового регента для молодого короля Якова.

– Но Джон Стюарт родился во Франции, – не уступала Сесилия. – Вряд ли нога его ступала на шотландскую землю, прежде чем за ним послали и объявили регентом. А кроме того, он наследник короля, так что я могу понять страхи королевы Маргариты!

– И все же у него репутация человека порядочного и беззаветно преданного монарху, – возразила Филиппа.

– Двенадцатая ночь! – воскликнула Сесилия, меняя тему. – Помнишь ту первую Двенадцатую ночь? Ну не чудесно

ли?

Мечтательно улыбнувшись, она закатила глаза.

– Кто бы мог ее забыть? – вздохнула Филиппа. – Представление называлось «Сад надежды», и на огромной подвижной сцене был устроен целый искусственный сад! Леди и джентльмены танцевали в этом саду, прежде чем его увезли. Помню, как наша маленькая принцесса Мария вскочила и радостно захлопала в ладоши.

– Как жаль, что у нас нет других принцев и принцесс, – тихо прошептала Сесилия. – Несмотря на благочестие нашей кроткой королевы, постоянные паломничества к Богоматери Уолсингемской и добрые дела, бедняжка не может зачать ребенка.

– Королева слишком стара, – ответила Филиппа так же тихо. – И за три года, что мы пробыли здесь, состарилась еще больше. Она ушла в религию и старается не участвовать в забавах двора. Король начинает скучать и все чаще обращает взор на придворных прелестниц. Разве не замечаешь?

– Королева никогда не уклонялась от супружеского долга, – отметила Сесилия. – И у них с королем так много общего! Они по-прежнему охотятся вместе, и он каждый день после обеда навещает королеву в ее покоях.

– Но всегда в сопровождении придворных, – не сдавалась Филиппа. – Они почти никогда не остаются наедине. Как может человек зачать сына, если не приходит в постель жены? Король много жалуется, но не делает ничего, чтобы испра-

вить положение.

– Ш-ш-ш... – остерегла ее Сесилия.

– Заметила, как он поглядывает на мистрис Блаунт? Со-
всем как большой бродячий кот на пухленького хорошень-
кого зяблика.

– Филиппа, ты невыносима! – хмыкнула Сесилия. – Эли-
забет Блаунт просто очаровательна и в отличие от Милли-
сент Лэнгхолм никогда не делает подлостей!

– Король зовет ее Бесси, особенно когда считает, что ни-
кого из посторонних рядом нет. Я слышала своими ушами, –
сообщила Филиппа. – Понаблюдай за его лицом, когда она
снова будет танцевать для их величеств.

– Ее назвали в честь матери короля, – возразила Сеси-
лия. – Матушка Бесси была из семьи Пешоллов, а отец сра-
жался за старого короля при Босуорте, когда был побежден
Ричард III. Она родом из Шропшира, а это почти так же да-
леко на севере, как твоя Камбрия!

– Ты еще не заметила, что она не живет в Шропшире? –
сухо осведомилась Филиппа. – Подобно мне, она душой и
телом принадлежит двору и к тому же обладает превосход-
ными связями.

– Не говоря уже о том, что довольно смазлива, – заметила
Сесилия. – Но ты права. Ее кузен, лорд Монтджой, в милости
у короля. А граф Суффолк и Френсис Брайан тоже к ней
неравнодушны. Слышала, как она поет? Прелестный голос!

– Хотелось бы хоть немного походить на нее, – с легкой за-

вистью протянула Филиппа. – Все ее любят, все замечают...

– Особенно король, – вставила Сесилия. – Что, если он... ну, ты понимаешь. Разве ее репутация не будет непоправимо испорчена? Кто женится на девушке, которая...

– Леди не может отказать королю. Как верная подданная, она обязана исполнять все его желания. Кроме того, короли заботятся о своих любовницах. По крайней мере король Яков так и делал. Думаешь, наш добрый король Генрих поступит иначе? Это не по-рыцарски, а наш король – самый благородный человек во всем христианском мире! Помнишь, в прошлом году, когда в город пришла черная оспа, король перевел весь двор из Лондона в Ричмонд, а потом и в Гринвич, пока мор не утих. Он великий монарх! – с воодушевлением объявила девушка, но тут же, вновь помрачнев, спросила: – Люди злословят обо мне, Сесилия? Из-за твоего брата? Что мне делать? Я не самая завидная невеста при дворе, а северные земли – далеко не роскошное приданое. Будем откровенны: твой брат был невероятно удачной для меня партией, а мои владения принесли бы ему собственные земли.

– Все девушки очень тебе сочувствуют, – заверила Сесилия. – За исключением, разумеется, Миллисент Лэнгхолм. У тебя был бы достойный брак, а теперь она с утра до вечера хвастается сэром Уолтером Ламли и его имениями в Кенте. Он ведет переговоры с ее отцом, и она собирается пойти к алтарю в конце года.

– Ты к тому времени тоже выйдешь замуж, – тяжело вздохнула Филиппа. – И тогда мне не с кем будет поговорить по душам. Кажется, всю нашу жизнь мы дружили, хотя встретились, когда нам уже исполнилось десять. Но лучшие годы жизни мы провели при дворе. Мне никогда не захочется покинуть его.

– Если я и выйду замуж, то не раньше конца лета, – покачала головой Сесилия, – а потом вместе с Тони приеду ко двору на рождественские праздники. А у тебя остаются Мэгги Радклифф, Джейн Хокинс и Энни Чамберс. Они составят тебе компанию, пока меня не будет. А Миллисент уберется в имения сэра Уолтера.

Губы Филиппы вдруг дрогнули в лукавой усмешке.

– Миллисент может получить сэра Уолтера, но только после того, как я с ним покончу. Теперь, когда твой братец меня бросил, я свободна, как птичка!

Серо-голубые глаза Сесилии удивленно округлились.

– Филиппа! Что ты задумала?! Помни о своей репутации, если хочешь, чтобы тебе нашли подходящего мужа! Ты не какая-то дочь графа, которой все дозволено, а всего лишь богатая наследница из Камбрии. Нельзя вести себя так глупо и безрассудно!

– О, Сеси, не стоит расстраиваться! Я просто хотела немного поразвлечься. Поверь, до этого момента я была самой целомудренной из фрейлин королевы, помня о верности Джайлзу, но теперь мне до него нет дела. Короля влечет к

мистрис Блаунт. Это означает, что остальные ее обожатели должны отступить. Я собираюсь занять ее место. А почему бы нет? Я красивее. Унаследовала неплохой голос от своего отца-валлийца, которым до сей поры не хвасталась, потому что пела только на мессах, да и то почти тайком. И хотя должна признать, что Элизабет Блаунт считалась лучшей танцовщицей после сестры короля, я тоже танцую достаточно хорошо. Рано или поздно матушка обязательно найдет мне другого жениха, но, учитывая, где она живет, это наверняка будет сельский джентльмен, так что я вряд ли снова вернусь ко двору, – печально констатировала Филиппа. – Поэтому, прежде чем меня свяжут по рукам и ногам узами брака, я хотя бы вдоволь повеселюсь!

– Но флирт с сэром Уолтером Ламли?! – язвительно хмыкнула Сеси.

– Почему бы и нет? – оживилась Филиппа. – Я сделаю это не только для себя, но и для всех пострадавших от ядовитого язычка и ехидных укулов Миллисент Лэнгхолм за последние три года. Все остальные фрейлины посчитают меня героиней!

– Но что, если сэр Уолтер решит, что хочет такую жену, как ты, и бросит Миллисент? Ведь тебе такой муж не нужен?

– Ни за что! – объявила Филиппа. – Говорю же, Сеси, не тревожься по пустякам! Я не из тех девушек, на которых женятся люди, подобные сэру Уолтеру, как бы велико ни было вожделение. Как и Миллисент, он из тех, для кого важно

мнение двора. О нет, я поиграю с ним ровно настолько, чтобы обозлить и привести в отчаяние Миллисент. Может, я даже позволю ему поцеловать себя, а потом сделаю все, чтобы она узнала об этом. Ну а потом займусь другим джентльменом, выставив сэра Уолтера дураком, который будет рад даже такой девушке, как Миллисент. Вообще эта девица должна быть благодарна мне!

– Сомневаюсь, что она того же мнения, – рассмеялась Сесилия.

– Может, и нет, – ухмыльнулась Филиппа.

– Никогда не думала, что ты можешь быть такой коварной, – покачала головой Сесилия.

– Я тоже не предполагала, но мне это нравится.

– Только смотри, как бы королева не поймала тебя за такими проделками, – шепнула Сесилия, опасливо оглядываясь.

– Она никак не ожидает от меня ничего подобного. Я начну свою игру сегодня же вечером. В сумерки король устраивает пикник у реки. Слуги развешат бумажные фонарики, и, пока не стемнеет, мы будем стрелять из лука в мишени. Сэр Уолтер славится своей меткостью. Я буду целиться очень небрежно и окажусь самой плохой лучницей. Постараюсь устроиться рядом с ним. Как благородный рыцарь, он, конечно, не преминет мне помочь.

– Но ты превосходно стреляешь! – удивилась Сесилия.

– Однако он-то вряд ли об этом знает, – хмыкнула Филиппа.

па. – А если и знает, притворюсь, что пыль в глаза попала.

– Увидев это, Миллисент лопнет от злости! – объявила Сесилия.

– Да. Но что она сможет сделать? Ведь свадьбу еще не назначили! И брачный контракт не подписан. Поверь, так оно и есть, иначе конца бы не было разговорам и хвастовству! Вряд ли она имеет право упрекать своего жениха! Бедняга! Не будь он таким напыщенным индюком, я почти пожалела бы его!

– Он и вправду настоящий индюк! – согласилась Сесилия. – Сомневаюсь, что ты сумеешь его завлечь! Ты не настолько важная особа, Филиппа!

– Да, но я была достаточно хороша для сына графа Ренфру, до того как он решил принять сан. Любопытство подвигнет сэра Уолтера на безрассудные поступки.

– Какое счастье, что Джайлз от тебя избавился! – поддразнила Сесилия. Филиппа со смешком шлепнула ее.

– Возможно, но он ранил мои чувства своей нечестностью и бессердечием. Зачем он тянул так долго? Думаю, Джайлз знал, чего хочет, по крайней мере уже с год! Но у него не хватило храбрости и искренности! Как он мог поставить меня в столь сложное положение?

– Все будет хорошо, – утешила Сесилия. – Значит, Господь не захотел вашего брака. Кстати, недалеко от лондонской дороги стали табором цыгане. Пойдем погадаем завтра утром? Джейн и Мэгги тоже собирались.

– Как интересно! Обязательно пойдем!

Во второй половине дня слуги принялись устанавливать столы на речном берегу. Придворные собирались обедать на свежем воздухе, и столы устелили белым полотном. На вбитых в землю столбиках развесили фонарики. В заранее вырытой яме жарился олень. Чуть подальше воздвигли мишени, а к берегу пришвартовали небольшие плоскодонки для тех придворных, которые захотят прокатиться по реке ранним вечером. На газоне установили небольшое возвышение и принесли стулья. Здесь будут сидеть королевские музыканты, чтобы двор смог насладиться сельскими танцами на траве. До конца мая осталось два дня, после чего двор переберется на месяц в Ричмонд, пока не настанет время летних переездов. Двор вернется в Лондон не раньше конца осени, поскольку городской воздух считался нездоровым и источником всяческих болезней.

Вернувшись в покои фрейлин, девушки умылись и переоделись, готовясь к вечерним развлечениям. Несмотря на скромное происхождение Филиппы, платья ее всегда отличались элегантностью, что признавали даже ее враги. И хотя особенно роскошными их было трудно назвать, зато шились они по последней моде. Хорошим вкусом Филиппы восхищались, а многие и завидовали.

– Не знаю, как ей это удастся, – проворчала Миллисент, наблюдая за Филиппой и ее служанкой. – Она не может быть

богатой. Мать ее, как мне сказали, простая фермерша и разводит овец. Вообще не знаю, как эта низкороджденная особа попала сюда!

– Ты ревнуешь, Миллисент! – покачала головой Энн Чамберс. – Отцом Филиппы был сэр Оуэн Мередит. Простой рыцарь, он был в большой милости у отца нынешнего короля, любившего его за глубочайшую верность и преданность дому Тюдоров. Он был валлийцем и служил Тюдорам с самого детства.

– Но ее мать – жалкая крестьянка, – упорствовала Миллисент.

– Ее мать – наследница огромного имения, – рассмеялась Энн, – и вряд ли ее можно назвать крестьянкой. Ходят слухи, что она оказала королеве огромное одолжение. Госпожа Фрайарсгейта провела часть юности при дворе в обществе двух королей, и обе называли ее другом. Так что, Миллисент, неплохо бы тебе помнить об этом. Филиппа Мередит уважаема и любима своими подругами. Я не знаю ни одного человека, который бы ненавидел ее или сказал бы о ней плохое слово! Поостерегись, чтобы тебя с позором не отослали домой!

– Я все равно скоро уеду, – фыркнула Миллисент.

– Значит, брачный контракт подписан? – оживилась Энн.

– Ну... почти. Есть несколько тонкостей, которые, как считает отец, должны быть улажены, прежде чем подписи будут поставлены. – Миллисент медленно поправила белоку-

рую прядь. — Правда, он не сказал, в чем дело.

— А я слышала, — вмешалась Джейн Хокинс, — что сэр Уолтер в приданое за тобой хочет больше золота, чем предложил твой отец, и последнему пришлось идти к менялам, чтобы взять займы. Очевидно, ему до того не терпится избавиться от тебя, что он готов даже залезть в долги!

— Так вот в чем дело? — с невинным видом удивилась Энн Чамберс. — А я что-то слышала о нескольких бастардах, которых успел наплодить сэр Уолтер. Говорят также, что одна из пострадавших — дочь лондонского торговца, который обратился к королю с жалобой, прося компенсации за утраченную добродетель девушки, денег на содержание внука и имени сэра Уолтера для парнишки.

— Это гнусная ложь! — возмутилась Миллисент. — Сэр Уолтер — самый благородный и добродетельный из всех мужчин на свете. С тех пор как мы помолвлены, он и не смотрит на других девушек. Что же до остальных женщин, на которых он обращал внимание до знакомства со мной, то все они хитрые и жадные шлюхи, полностью заслужившие свою участь. И не смей повторять эту клевету, иначе я пожалуюсь нашей госпоже королеве!

Энн и Джейн, посмеиваясь, удалились. Они уже были посвящены в планы Филиппы относительно сэра Уолтера, тщеславного и напыщенного джентльмена, известного своей похотливой натурой, которую он тщательно пытался скрывать. Девушки намеренно дразнили Миллисент, зная, что теперь

она глаз не спустит с сэра Уолтера, но ничего не сможет поделать, кроме как кипеть в бессильной злобе, когда он поддастся на уловки Филиппы, что обязательно произойдет. Ни одна из подруг Филиппы не считала ее способной на такие проделки, но со вчерашнего дня она резко изменилась. Все, конечно, понимали, как она страдает из-за недостойного поведения Джайлза Фицхью, и, кроме того, Миллисент получит по заслугам!

Филиппа уделила своей внешности больше внимания, чем обычно. Она была в лучшем положении, чем другие фрейлины, поскольку в ее распоряжении был лондонский дом дядюшки Томаса, где она хранила свой обширный гардероб. Девушкам выделялось крайне мало места для вещей, которые приходилось собирать за четверть часа, по срочному приказу, если королеве вдруг взбредет в голову немедленно перебраться в очередной дворец, где планировалось пробыть ближайшие несколько недель. Филиппа была достаточно щедра, чтобы поделиться нарядами с подружками: Сесилией, Мэгги Радклифф, Джейн Хокинс и Энн Чамберс. Ее служанка Люси всегда могла сбегать в дом сэра Томаса и принести все, что требуется.

Филиппа выбрала светлое платье персикового цвета из шелковой парчи, с низким квадратным вырезом, отделанным вышитой золотом лентой, и широкой юбкой колоколом. Верхние рукава были узкими, нижние – широкими, с подкладкой из шелковой парчи персикового цвета, под которы-

ми виднелись еще одни, фальшивые, рукава из прозрачного шелка телесного цвета, со сборчатыми манжетами у запястья. С талии на длинной золотой цепочке свисал небольшой кошель из шелковой парчи. На голове красовался маленький французский чепец по моде, введенной Марией Тюдор, отделанный жемчугом и с короткой, свисающей на спину вуалью. Эта вуаль едва прикрывала роскошные рыжеватые волосы, спускавшиеся ниже пояса. На шее поблескивала тонкая золотая цепочка с кулоном, изготовленным из броши с изумрудами и бриллиантами, которую прислала бабушка короля, когда родилась Филиппа.

– Ты не надела камизу с высоким воротом, – заметила Сесилия.

– Не надела, – подтвердила Филиппа, лукаво улыбаясь.

– Но твои груди видны в вырезе! – нервно пробормотала подруга.

– Если я отправляюсь на охоту, нужно иметь достойную наживку.

Сесилия широко распахнула глаза.

– О, пожалуйста, помни о своей репутации! – умоляюще пробормотала она. – Понимаю, Джайлз жестоко тебя обидел, но потеря доброго имени – не лучший способ ему отомстить. Подозреваю, что ни один мужчина не стоит такой жертвы со стороны женщины.

– Судя по моему последнему разговору с Джайлзом, вряд ли ему есть дело до того, что со мной будет. Он никогда

не любил меня, потому что любящий человек ни за что не поступил бы так с невестой! Если церковь значит для него больше, чем женитьба на мне, да будет так! Но он и не подумал о том, в какое ужасное положение ставит меня его поступок! Заботился только о себе, а этого я простить не смогу! Я хранила свою чистоту, надеясь на брак с ним. Не позволяла ни одному парню поцеловать меня, хотя остальные, как тебе известно, далеко не так строги! Скоро моя мать найдет мне богатого сквайра, или отчим привезет сына одного из своих шотландских друзей. Мне придется покинуть двор! Что из того, если я немного развлекусь? И какое значение имеет слегка подпорченная репутация? Сквайр или шотландец все равно ничего не узнают! Кроме того, клянусь потерять свою девственность исключительно в брачной постели, кто бы ни стал моим мужем!

– Ну, – нерешительно признала Сесилия, – ты действительно вела себя осмотрительнее, чем большинство из нас. А теперь, когда королевские прихлебатели благодаря кардиналу Вулзи впали в немилость, полагаю, будет вполне безопасно пококетничать с молодыми людьми при дворе.

– Начиная с сэра Уолтера, – кивнула Филиппа. – Я покажу этой маленькой сучке, как сплетничать за моей спиной. Интереснее всего, что, хотя она будет злиться на сэра Уолтера, ей все же придется идти под венец, поскольку обратной дороги нет, а Миллисент очень хочет обрести то положение, которое даст брак с ним.

– Бедный сэр Уолтер, – вздохнула добросердечная Сесилия. – Он женится на настоящей ведьме!

– А мне его не жаль! Он собирается жениться и в то же время при одном взгляде на мою обнаженную грудь готов забыть о невесте! Какое уж тут благородство? Он и Миллисент достойны друг друга! Надеюсь, они будут ужасно несчастливы!

– Неужели в тебе нет ни капли сострадания? – изумилась Сесилия.

Филиппа покачала головой:

– Абсолютно. Если в человеке нет порядочности, о каком сострадании может идти речь? Говорят, что мой отец был благородным и честным рыцарем. То же самое можно сказать о моем дядюшке лорде Кембридже и отчиме Логане Хепберне. Ни на что иное я не соглашусь.

– Ты стала жестокой, – заметила Сесилия.

– Нет, я всегда была именно такой, какая есть. Ты просто не замечала.

Глава 2

– Пойдемте, девушки, – позвала леди Брентвуд, помощница старшей фрейлины. – Пикник начинается. Королева сказала, что вы все можете гулять, кроме тех двух-трех, кто останется рядом с ней. Разумеется, вам придется дежурить по очереди.

Фрейлины, весело переговариваясь и смеясь, поспешили во двор. Пикник у реки считался прекрасным развлечением, а главное, в таких случаях об этикете предпочитали забывать. День выдался погожим. Небо сияло голубизной, и легкий ветерок играл лепестками цветов. Для претворения в жизнь ее плана было слишком рано, поэтому Филиппа вызвалась первой посидеть с ее величеством. Она еще не видела сэра Уолтера и надеялась, что он успеет немного выпить.

– Какая ты хорошенькая сегодня, дитя мое, – заметила королева. – И так похожа на свою мать в молодости!

Она держала на коленях извертевшуюся дочь: маленькую принцессу принесли из детской, разрешив присоединиться к развлечениям.

– Мэри, сиди спокойно, куколка, иначе папа рассердится!

– Не разрешите ли мне повести ее на прогулку, ваше величество? – вежливо осведомилась Филиппа. – Я могу немного поиграть с ней. Я всегда помогала маме присматривать за младшими сестрами и братьями.

Королева облегченно вздохнула:

– О, Филиппа, как ты добра! Сегодня прибудет французский посол, чтобы посмотреть на Марию, а потом написать своему хозяину, королю Франциску, о том, что видел. Теперь, когда она помолвлена с дофином, французы считают своей обязанностью следить за ее успехами. Хотя... я бы предпочла обручить ее со своим племянником Карлом. Да, уведи ее и постарайся, чтобы она не испачкалась.

– Сделаю что могу, мадам.

И, протянув руку маленькой принцессе, попросила:

– Пойдемте, ваше высочество. Мы немного погуляем и хорошенько разглядим чудесные платья придворных дам.

Трехлетняя Мария Тюдор, хорошенькая малышка с рыжеватыми волосами и серьезными глазами, одетая в точную копию наряда матери, соскользнула с коленей королевы и послушно сжала пальцы Филиппы.

– Ты одета лучше всех, – объявила она. Для своих лет она была чрезвычайно умна и, несмотря на детский возраст, могла объясняться на английском и латинском.

– Благодарю, ваше высочество, – кивнула Филиппа.

Они направились к берегу, где девочка оживилась при виде лодок.

– Пойдем. Я хочу покататься.

– А вы умеете плавать, ваше высочество?

– Нет, – покачала головой малышка.

– В таком случае нам нельзя садиться в лодку. Это только

для тех, кто умеет плавать.

– А ты? Ты умеешь?

Странно взрослые глаза в упор смотрели на Филиппу.

– Умею, – улыбнулась она.

– А кто тебя научил? – допытывалась принцесса.

– Человек по имени Патрик Лесли, граф Гленкирк.

– Где?

– На озере, в землях моей матери. Он научил и моих сестер, Бэнон и Бесси. Мы считали наше озеро холодным, но он утверждал, что это чепуха, а действительно ледяная вода в озерах Шотландии. Однажды я была в Шотландии, но так и не посмела окунуться в воду.

– Моя тетя Мег – королева Шотландии, – сообщила маленькая Мария.

– Уже нет, – поправила Филиппа. – Овдовев, она второй раз вышла замуж и теперь считается всего лишь матерью короля. Но я вместе со своей матушкой появилась при дворе, еще когда леди Маргарита была королевой. Чудесное было время! И прекрасный двор!

– Лучше, чем у папы? – лукаво поинтересовалась принцесса.

– На земле нет двора более великолепного, чем у короля Генриха! – поспешно воскликнула Филиппа. – Вы прекрасно знаете, ваше высочество, что ваш папа – самый могущественный и прекрасный король во всем христианском мире.

– Какая восхитительная лесть! – раздался голос короля.

Филиппа покраснела от смущения.

– Папа! – воскликнула девочка, бросаясь в объятия отца.

– А как поживает самая прекрасная в целом мире принцесса? – осведомился король, ущипнув дочь за розовую щечку. Ребенок счастливо прыснул, но взор короля уже был устремлен на Филиппу. – Ты дочь Розамунды Болтон, не так ли?

Кровь Христова, какая же милочка! Это хорошенькое невинное личико, как по волшебству, унесло его в прошлое.

– Да, ваше величество.

Филиппа боялась посмотреть на него. Вообще неучтиво таращить глаза на короля, и он этого не любит.

Генрих протянул руку и приподнял подбородок девушки.

– Ты так же прелестна, как твоя мать в этом возрасте. Я знал ее в те времена!

– Да, ваше величество, она мне рассказывала! – со смехом вырвалось у Филиппы. Пришлось прикусить губу, чтобы не опозориться окончательно. Но король не рассердился. Тихий смешок с рокотом вырвался из широкой груди, прикрытой богато вышитым драгоценными камнями бархатным камзолом.

– Ах вот как? Значит, тебе все известно? Впрочем, тогда я был совсем мальчишкой, непоседливым и озорным.

– А кроме того, речь шла еще и о пари, – лукаво напомнила Филиппа.

Король громко хмыкнул:

– Так оно и было, мистрис Филиппа, а моя бабушка забрала выигрыш и опустила в кружку для бедных в Вестминстере. И тогда я усвоил, что нельзя позволять гордости брать верх над разумом, а прежде чем заключать пари, нужно хорошенько подумать, – объяснил он, опуская дочь на землю. – Я слышал, что младший сын Ренфру решил принять сан. Мне очень жаль.

Слезы вновь обожгли глаза девушки, и она поспешно провела по ним рукой.

– Такова воля Господня, – проямлила она не слишком убедительно.

Король покачал головой:

– Если я смогу помочь, мистрис Филиппа, вам достаточно только попросить. Я все еще не исключил вашу мать из числа своих друзей, хотя она и вышла за дикаря шотландца.

– Благодарю, ваше величество, – сказала девушка. – Но не стоит думать плохо о моем отчиме. Логан Хепберн – хороший человек.

Король кивнул:

– Отведи мою дочь к матери, и можешь немного развлечься с подругами, Филиппа Мередит. Таков королевский приказ! Знаешь, девочка, – неожиданно улыбнулся он, – я помню и твоего отца. Он тоже был прекрасным человеком и одним из самых преданных слуг дома Тюдоров. И его дети находятся под моим покровительством. Не забывай этого, Филиппа Мередит. А теперь беги! Сегодня последний день мая,

и настало время повеселиться.

– Да, ваше величество, – прошептала Филиппа. Потом взяла принцессу за руку и повела к королеве Екатерине.

Король задумчиво смотрел им вслед. Возможно ли, что у Розамунды Болтон такая взрослая дочь? Достаточно взрослая, чтобы стать невестой и позволить разбить свое сердце. А ведь у нее еще две сестры, и ему говорили, что Розамунда родила сыновей от своего шотландца. А что досталось ему? Единственная дочь и жена, слишком старая, чтобы выносить мальчишек, которые так нужны трону! Полгода назад королева потеряла ребенка. И уже не первого. А те, которых удавалось доносить, либо рождались мертвыми, либо, едва протянув несколько дней, отправлялись на тот свет. В живых осталась одна Мария. С его женой что-то не так. И врач сказал, что больше детей у нее не будет. Неужели такова воля Божья?

Он взглянул на сидевшую посреди газона жену. Когда-то тонкая и белая, кожа ее теперь пожелтела и покрылась морщинами, прекрасные волосы потускнели. Она все больше времени проводила на коленях в часовне и все реже ложилась на спину, исполняя супружеский долг. А окружавшие Екатерину хорошенькие девушки не добавляли ей привлекательности.

Он окинул взглядом стайку молодых фрейлин, составлявших компанию королеве. Настоящий цветник! Особенно кухня Монтджоя, восхитительная Элизабет Блаунт. Миниа-

турная, со всеми полагающимися женщине округлостями! И лучшая при дворе танцовщица, если не считать его сестру Мэри, не говоря уже о том, что поет как ангел. Да и его ближайшие приятели обожают эту веселую, остроумную резвушку, хотя Монтджой утверждал, что у нее хватит благоразумия склониться перед лицом власти. Монтджой также клялся, что из Бесси выйдет идеальная жена.

Маленькие голубые глазки короля задумчиво шурились. Бесси Блаунт. Такую приятно прижать к груди, а если она так покорна по природе, как считает Монтджой, значит, без сопротивления отдастся страсти своего повелителя.

Генрих Тюдор улыбнулся.

Что за чудесное лето его ждет! Если, разумеется, город не поразят чума или черная оспа.

Король зашагал по газону, милостиво кивая гостям. А Филиппа тем временем отвела принцессу к матери.

– Мы прекрасно прогулялись, ваше величество. Принцесса хотела сесть в лодку, но я посчитала это опасным.

– Ты совершенно права, дитя мое, – согласилась королева.

– Интересно, о чем говорил с тобой его величество? – ехидно протянула Миллисент. – Ты довольно долго с ним беседовала.

– Короля больше всего занимает благополучие дочери, – спокойно ответила Филиппа. – А кроме того, он спрашивал о моей матери и ее семействе в Камбрии. Они были знакомы еще детьми. Почему это так тебя интересует? Неужели

твоя собственная жизнь настолько уныла и скучна? Но что я спрашиваю? И без того понятно, что это так: ведь сэр Уолтер еще не пришел к определенному решению насчет помолвки!

«И как же я поиздеваюсь над тобой, курносая дрянь! А ты ничего не сможешь сделать, кроме как пыхтеть и злиться!» – подумала Филиппа.

Королева молча улыбнулась при виде трясущейся от ярости Миллисент, у которой так и не нашлось остроумного ответа.

– Как поживает твоя мама? – спросила она Филиппу.

– Хорошо, я полагаю, поскольку никаких тревожных вестей до меня не доходило. О, мадам, как вы думаете, не найдется ли местечка при дворе для моей сестры Бэнон? Она очаровательная и милая девушка, но ей не помешало бы отточить хорошие манеры и знание этикета. Кстати, у нее тоже есть имение, в Оттерли.

– Если Миллисент Лэнгхолм выйдет замуж и место освободится, буду счастлива принять ее к себе на службу, – великодушно ответила Екатерина. – Бэнон. Какое странное для моего слуха имя!

– На валлийском диалекте это означает «королева». Полное ее имя – Бэнон Мэри Екатерина Мередит, мадам. Мой отец хотел, чтобы она звалась Бэнон, – пояснила Филиппа.

– Разумеется, он почитал наследие своих предков, – согласилась королева, подумав, что Филиппа становится настоящей придворной дамой и даже ищет место для сестры.

Сумерки начали сгущаться, но веселье только разгоралось. Некоторые из приглашенных танцевали перед возвышением, где сидели музыканты. Мишени были почти измочалены особо рьяными джентльменами, которые успели скинуть камзолы и остались в одних камизах. В плывущих по реке лодках сидели молодые парочки. Филиппа продолжала обводить глазами собравшихся. А вот и сэр Уолтер! Играет в кости в веселой компании. Филиппа подобралась поближе. Среди играющих была и Бесси Блаунт, так что появление Филиппы не покажется чем-то необычным.

При виде девушки Бесси улыбнулась. Она вообще славилась своим добродушием, но, к сожалению, не могла похвастаться ни богатством, ни знатным происхождением, поэтому женихи избегали ее.

– Иди сюда! Посмотри, как везет Тони Дину! – окликнула она Филиппу.

– А Сесилия знает, что ты питаешь пристрастие к игре? – поддразнила Филиппа сэра Энтони Дина, жениха подруги. Тот ухмыльнулся и покачал головой.

– Но пока удача на моей стороне, ей грех жаловаться, – объявил он и, бросив кости, снова оказался в выигрыше. Его приятели разразились радостными криками. Филиппа ловко втиснулась между ними так, что оказалась рядом с сэром Уолтером.

– Играете, сэр? – спросила она с чуть заметной улыбкой.

– Иногда, – кивнул он, не отрывая жадного взгляда от лож-

бинки между девичьими грудками и похотливо облизывая губы.

– А вот я никогда не метала кости, – с наивным видом призналась она, чем немедленно привлекла внимание и сэра Уолтера, и нескольких стоявших поблизости джентльменов. – Это очень сложно?

– Не слишком, – заверил сэр Уолтер, довольно улыбаясь и многозначительно глядя в широко распахнутые, горящие любопытством зеленовато-карие глаза. – Если вы не против, я покажу, мистрис Мередит.

– О, прошу вас, – мило проворковала Филиппа. – Но что мне поставить? – Она потянулась к висящему на талии кошельку. – Надеюсь, мне хватит.

И Бесси, и Тони Дин пристально уставились на девушку, не понимая, почему ей взбрело в голову притвориться дурочкой, но все же промолчали, снедаемые любопытством узнать, что будет дальше.

– Но джентльменам не к лицу лишать девушек их последнего достояния, – галантно заметил сэр Уолтер. – Может, сыграем на поцелуй, мистрис Мередит?

– Меня еще никогда не целовал мужчина, – объявила Филиппа. – И разве такие дерзкие поступки не испортят мою репутацию и не очернят доброе имя?

Сэр Уолтер растерялся. Сказать девушке, что подобные пари не имеют никакого значения и на нее не станут смотреть косо, было бы наглой ложью. Но, Господи, как ему хоте-

лось припасть к губкам этой нетронутой голубки, сжать восхитительно круглые грудки, которые она так откровенно выставила напоказ!

— Ну нет, не собираюсь уступать кости, раз уж мне привалила удача, — запротестовал Тони. — А ты, Филиппа, пока посмотри и поучись. А позже можешь попробовать, но ставка — полпенни, а не твое доброе имя.

— Да-да, — согласился сэр Уолтер. — Я все объясню, пока Тони играет.

Он обнял ее тонкую талию и очень обрадовался, когда она прижалась к нему, вместо того чтобы отстраниться.

— Прекрасно! — прикинулась простушкой Филиппа. — Я так благодарна за ваше наставничество, сэр Уолтер! Вы очень добры!

Это куда лучше, чем состязания в стрельбе из лука!

— Но, дорогая, меня не за что благодарить, — откликнулся он, с упоением вдыхая ее восхитительный аромат.

Филиппа заметила похотливый блеск его глаз. Какой глупец! Но Миллисент сумеет взять будущего мужа в руки, и тогда его жизнь превратится в ад. Ничего, он это заслужил! Впрочем, как и большинство мужчин.

— Вы правы. Похоже, это не так уж сложно, — кивнула она, восторженно глядя на него.

— Разумеется, — заверил сэр Уолтер, не в силах оторвать взгляд от ее груди. У той девицы, которую он выбрал себе в невесты, почти ничего нет спереди. И от нее не пахнет так

приятно, как от Филиппы Мередит. Зато она хорошая партия. Происхождением Миллисент выше, чем он, и, кроме того, она единственный ребенок в семье. Скорее всего Уолтеру удастся сделать так, что после смерти ее отца титул баронета перейдет к нему. Да, Миллисент Лэнгхолм – идеальная невеста для него. Зато эта... так и готова упасть ему в руки, как спелый плод. Доверчивая деревенская простушка!

Он покрепче сжал ее талию.

Филиппа, на миг оцепенев, поспешно отстранилась.

– Возможно, мне не стоит играть, – пролепетала она. – У меня не так много средств.

– Мудрое решение, – заметил Тони Дин. Интересно, что затеяла Филиппа? До этой минуты он никогда не видел, чтобы она вела себя как глупенькая вертихвостка.

– Пожалуй, мне лучше пойти к королеве, – промолвила Филиппа.

– Если вы решили не играть, – промурлыкал сэр Уолтер, – может, прогуляетесь со мной к реке, мистрис Филиппа? Полюбуемся отражением закатного солнца на воде.

– Боюсь, о нас пойдут сплетни, сэр! Ведь вы, говорят, помолвлены с Миллисент Лэнгхолм, – возразила Филиппа.

– О нет, еще ничего не решено. И это не более чем прогулка на виду у всего двора!

– Н-не знаю, – поколебалась Филиппа. – Не хотелось бы ранить чувства Миллисент.

– Всего лишь несколько минут, – уговаривал сэр Уолтер,

беря ее за руку и уводя на берег.

– Ах, коварная плутовка, – усмехнулась Бесси Блаунт, качая головой.

– Что она затеяла? – не выдержал Тони, собирая выигрыш и оставляя кости следующему игроку.

– Не знаю, но могу заверить, что она и Миллисент не питают друг к другу добрых чувств. Непонятно почему, но Миллисент не упускает случая сказать ей гадость. Зато есть один человек, которому все известно. Это твоя нареченная, Сесилия Фицхью. Она и Филиппа – лучшие подруги.

– В таком случае мне лучше ничего не знать, – вздохнул Тони, высокий молодой человек со светло-каштановыми волосами и добрыми голубыми глазами, владелец богатого имения в Оксфордшире.

Бесси рассмеялась:

– Значит, я единственная, кто умирает от любопытства. Немедленно иду на поиски Сесилии.

Она поспешила прочь, оставив молодого человека в одиночестве, и обнаружила Сесилию рядом с королевой. Тут же оказалась и Миллисент.

– Что затеяла Филиппа Мередит? – чуть слышно спросила Бесси, подойдя ближе к Сесилии.

– Решила сквитаться за все оскорбления, – ответила Сесилия и тут же, оживившись, воскликнула: – Миллисент, смотри, это не сэр Уолтер гуляет у реки с Филиппой Мередит?

– Не может быть! – фыркнула та. – Какие дела могут быть

у него с этой особой?

Фрейлины рассмеялись, и даже королева улыбнулась.

– Ошибаешься, это определенно Филиппа, – настаивала Сесилия. – Смотри, они разве что не прижимаются друг к другу, а теперь он наклоняется, чтобы что-то сказать ей на ухо. О-о-о! Кажется, он ее поцеловал! Нет. погоди! Я ошиблась! Они всего лишь беседуют, но их губы почти соприкасаются!

Миллисент злобно вытаращилась на гуляющих.

– По-моему, это вовсе не сэр Уолтер! – выдавила она, прекрасно понимая, что лжет и окружающие это поняли. Негодяй позорит ее перед всем двором! Как он посмел! Она все расскажет отцу, и тот не позволит ей выйти замуж на наглеца!

Но Миллисент немедленно подумала об имениях сэра Уолтера в Кенте, его прекрасном доме и золоте, которое он держит у лондонских менял. Она знала, что скажет отец. Что любой мужчина должен перебеситься, а мудрая женщина обязана смотреть на это сквозь пальцы. Но разве может она равнодушно взирать на то, как Филиппа Мередит беззастенчиво флиртует с ее женихом? При первой же возможности она отвесит пощечину бесстыдной девке!

Тем не менее она не могла отвести взгляд от берега и беспечной парочки.

Филиппа громко смеялась шуткам сэра Уолтера.

– Вы, сэр, поступаете возмутительно! Неужели не пропус-

каете ни одной девушки? Интересно, знает ли об этом ваша Миллисент? – поддразнивала она.

– Но мужчина не может не восхищаться такой красотой, мистрис Филиппа, – отбивался он.

– Признайтесь, вам хотелось бы поцеловать меня? – кокетливо осведомилась Филиппа.

– О, я был бы счастлив иметь честь сорвать с ваших губок первый поцелуй.

– Что же... я об этом подумаю. До сих пор я берегла этот поцелуй для человека, за которого собиралась выйти замуж, а он бросил меня ради духовного сана. Но разве мне не стоит беречь поцелуи для мужчины, который когда-нибудь станет моим мужем?

– Хотя я восхищаюсь вашей добродетелью, мистрис Филиппа, и не считаю, что хорошенькая девушка должна раздавать поцелуи направо и налево, небольшой опыт в искусстве целоваться еще никому не вредил и не очернит вашу репутацию. Неужели вы верите, будто все фрейлины королевы так же невинны? Я точно знаю, что это не так.

Его улыбка больше напоминала оскал.

– О, язык у вас хорошо подвешен, но не думаю, что целоваться с человеком, который вот-вот обручится, – такой уж мудрый поступок. Разве после этого меня не посчитают распутной? Я должна хорошенько обдумать, кому подарить свой первый поцелуй, сэр Уолтер, – кокетливо улыбнулась Филиппа. – А теперь нам пора возвращаться, иначе злые

языки нас не пощадят.

С этими словами она подобрала юбки и побежала назад, оставив с носом разочарованного сэра Уолтера. Сесилия пошла ей навстречу, взяла под руку, и подружки вернулись на газон.

– Миллисент вне себя от злости. Мне удалось довести ее чуть ли не до истерики. Она твердила, что с тобой вовсе не сэр Уолтер, хотя все прекрасно поняла.

– Я решала, стоит ли целоваться с ним. Ты ведь знаешь, что меня еще ни разу не целовал мужчина. Я берегла себя для твоего брата-изменника.

– Только не сэр Уолтер! Я слышала, что целоваться он не умеет. Лучше выбери Роджера Майлдмея. Он восхитительно целуется, – шепнула Сесилия.

– Это он подарил тебе первый поцелуй? – оживилась Филиппа.

Сесилия с усмешкой кивнула:

– И кроме того, он такой хороший парень! О-о-о, как интересно! А может, он и станет для тебя хорошим мужем? Его имения расположены в Оксфордшире, рядом с владениями Тони. Впрочем, я слышала, что он должен жениться на дочери соседа, чьи земли граничат с его собственными. Но насчет первого поцелуя не сомневайся – лучше Роджера не найти. Спросить его?

– Сесилия! – Филиппа залилась краской.

– Но тебе придется это сделать, иначе не отвяжешься от

сэра Уолтера, а ты уже достаточно разозлила Миллисент, так что для одного дня, пожалуй, хватит. И поверь, Филиппа, она не стоит твоего внимания. Лучше пойдем быстрее. Смотри, вон там Роджер, рядом с Тони. Так и быть, спрошу его.

– Мне пятнадцать, и я ни разу не целовалась. А теперь моей лучшей подруге приходится умолять мужчину оказать мне эту честь. Это унижительно, Сеси, и я буду выглядеть дурочкой.

– Только не с Роджером. Он очень добр и все понимает. И оценит то обстоятельство, что ты берегла себя для Джайлза. Да идем же!

Она едва не силой потащила Филиппу туда, где беседовали ее жених, сэр Энтони Дин, и его друг, сэр Роджер Майлмей. Привстав на цыпочки, Сесилия что-то прошептала на ухо Роджеру, после чего отпустила руку подруги и увела Энтони. Сэр Роджер усмехнулся.

– Это какая-то нелепица, – нервно пробормотала девушка. – Что Сеси вам сказала?

– Что если я не подарю вам первый поцелуй, это сделает Уолтер Ламли. Неужели вы мечтаете именно о нем, мистрис Филиппа? – спросил он.

Филиппа присмотрелась к нему. Симпатичный молодой человек, стройный, среднего роста, с теплыми карими глазами и рыжеватыми волосами.

– Нет, – призналась она. – Я всего лишь флиртовала с ним,

чтобы заставить ревновать эту негодницу Миллисент Лэнгхолм. Они вот-вот будут помолвлены.

– Но почему вы никогда не целовались, хотя живете при дворе уже три года? – удивился сэр Роджер. – Я точно это знаю, потому что вы приехали вместе с Сесилией Фицхью. Неужели не хотите испытать, что это такое?

– Я берегла себя для Джайлза Фицхью, с которым хотела пойти под венец. Ну не дурочка ли я?

– Как очаровательно и как старомодно! Придет день, и вы станете хорошей и верной женой какому-нибудь порядочно-му мужчине, мистрис Филиппа, но пока что вы свободны и можете искать любовь где пожелаете, как все молодые красивые девушки.

– А вы не считаете такое поведение бесстыдным, сэр? – удивилась Филиппа.

– Да, если доходить до крайностей, но любопытство девушки должно быть удовлетворено до определенной степени, прежде чем ее свяжут узами брака. Предлагаю познакомиться, мистрис Филиппа, и если представится возможность, я поцелую вас, и вы узнаете эту волшебную тайну. И потом, говорят, я превосходно целуюсь, – хмыкнул он.

Филиппа рассмеялась:

– Сесилия права. Вы очень милы.

– Значит, договорились? Я получу ваш первый поцелуй. И надеюсь, еще несколько. Но сначала должен предупредить, что хотя ваша семья начнет искать для вас другого жениха,

увы, мне не суждено им стать. В конце лета я вернусь домой, чтобы жениться на дочери соседа. Мы были обручены с самого детства, и я с радостью поведу к алтарю Энн Браунли. Мне не хотелось бы вводить вас в заблуждение. Понимаю, что ваше юное сердце, должно быть, разбито, и не хочу добавлять к старым обидам новые, – с улыбкой объявил он.

– Сеси сказала, что вы истинный джентльмен и, к сожалению, помолвлены с другой. А кроме того, вряд ли я выйду замуж. Мне уже пятнадцать, и мои земли находятся далеко на севере, можно сказать, едва ли не на границе с Шотландией. Да и мой отчим – шотландец и вместе с матерью проводит часть года в Англии, а часть – в Шотландии.

– Но вы очень красивы, – возразил сэр Роджер. – Думаю, что вы обязательно найдете хорошего жениха.

Филиппа упрямо покачала головой:

– Мать захочет такого человека, который будет жить во Фрайарсгейте и управлять им так же рачительно, как мной. Ей никогда не нравилась жизнь при дворе, и она любит свои земли. Я же не хочу жить на севере. Мне нравится двор, и я мечтаю жить недалеко, чтобы почаще сюда приезжать. Ах, если бы только мои владения были поближе к Лондону, – вздохнула она. – Но у меня нет ни знатного имени, ни полезных связей.

– Но как же вы попали ко двору? – полюбопытствовал он.

– Моя мать была наследницей Фрайарсгейта. Она осиротела в три года, когда умерли ее родители и старший брат. Ее

опекуном стал дядя отца. Он и сосватал ее за своего пятилетнего сына, но когда маме исполнилось пять, ее маленький нареченный умер. Кое-кто из соседей просил руки мамы для своих сыновей, но опекун всем отказывал, желая заполучить Фрайарсгейт для себя и своих наследников, а для этого собирался выдать ее за своего младшего отпрыска. А тем временем в ожидании, пока тот немного подрастет, выдал ее за престарелого рыцаря. Однако рыцарь относился к ней как к своей дочери и научил управлять имениями. Умирая, он написал завещание, в котором поручил свою вдову заботам короля Генриха VII. Опекун матушки ужасно рассердился, но ничего не мог поделать, потому что маму призывали ко двору. Сначала она была на попечении королевы Елизаветы, а после ее смерти долгое время служила Достопочтенной Маргарет, бабушке короля Генриха. Ее лучшими подругами стали Маргарита Тюдор и принцесса Арагонская.

– Как ей повезло, – заметил сэр Роджер, явно находясь под впечатлением от рассказа девушки.

– Мама снова вернулась домой, когда Маргарита Тюдор стала королевой Шотландии, но сначала вышла замуж за моего отца, сэра Оуэна Мередита. Он был валлийцем и вырос при дворе Тюдоров, служа им с шести лет. Он был всеми уважаем, а король ценил его за преданность. Они путешествовали вместе со свадебным поездом королевы Шотландии почти до самого Фрайарсгейта. Они были хорошей парой, и мама едва не умерла от тоски, когда он неожиданно погиб.

– Но потом она вышла замуж? – осведомился сэр Роджер.

– Да, несколько лет назад. Мама и обе королевы навсегда сохранили дружбу, поэтому я и получила место при дворе. Мама привезла меня сюда, когда мне исполнилось десять. И мне здесь сразу понравилось! А королева Екатерина сказала, что в двенадцать я смогу стать фрейлиной. Вот так все и вышло.

– Неудивительно, что многие фрейлины завидуют вам. Для девушки незнатного происхождения вы высоко поднялись! Разумеется, потеря жениха – серьезная неприятность для вашей семьи, и я вполне могу это понять, но готов побиться об заклад, что, находишь ваши земли ближе к Лондону, найти подходящего жениха было бы куда легче.

– Согласна, – грустно вздохнула Филиппа.

Видя, как она расстроилась, Роджер бодро сказал:

– Пойдем лучше танцевать. Фонари уже зажглись, погода теплая, вечер прекрасный. И я знаю, что ты любишь танцы, ибо не раз видел тебя в компании других девушек на празднествах.

Они вошли в круг танцующих, и вскоре Филиппу захватили музыка и ритм. Она отдавалась движению самозабвенно, и когда сэр Роджер закружил ее, счастливо засмеялась, забыв о горестях. И ужасно растерялась, когда в конце танца сэр Роджер быстро поцеловал ее хорошенькие губки.

– Ой! – охнула она, но тут же рассмеялась. Роджер с коварной улыбкой взял ее за руку и увел в темноту.

– У тебя такие сладкие губы, – прошептал он и, схватив ее в объятия, снова стал целовать. А когда разжал руки, Филиппа довольно улыбнулась.

– Это было чудесно, милорд! Нельзя ли повторить?

И после того как он исполнил ее просьбу, тихо призналась:

– Какая же я глупая, что так долго ждала поцелуя! Только теперь мне пришла в голову простая мысль: откуда же девушке знать, хорошо ли целуется ее муж, если у нее нет никакого, даже самого малого опыта? Сеси утверждает, что целуетесь вы хорошо, и хотя мне не с кем сравнивать, я склонна с ней согласиться. Надеюсь, что, пока вы еще не женились, мы сможем продолжить начатое.

Сэр Роджер громко рассмеялся:

– Мистрис Филиппа, кажется, я завидую джентльмену, который в один прекрасный день станет вашим мужем. А теперь пора вернуться к остальным, если не хотим, чтобы о нас поползли сплетни. Поцелуи – вполне невинное времяпрепровождение, но я не желал бы очернить вашу репутацию долгим отсутствием, особенно теперь, когда совсем стемнело.

– А мне хотелось бы продолжать целоваться с вами, хотя бы еще немного! – выпалила Филиппа.

– Буду счастлив угодить вам, милая, только не в столь публичном месте, – улыбнулся он, увлекая ее в тень.

Позже, в спальне фрейлин, Филиппа и Сесилия, лежа в

одной постели, долго шептались, и Сесилия то и дело посмеивалась, слушая рассказ о приключениях подруги.

– Ну, говорила же я, – твердила она. – Он прекраснейший человек, и как жаль, что обещан другой.

– Мне все равно, – отмахнулась Филиппа. – Просто понравилось целоваться с ним, но не представляю его своим мужем. А теперь скажи, Миллисент здорово разозлилась? Ругала меня?

– Не слишком. Потому что королева была рядом, а в ее присутствии Миллисент пришлось прикусить язычок, но она очень рассердилась, узнав, что сэр Уолтер уделяет тебе столько внимания. Правда, твердила, что это вовсе не он, но все девушки уверили ее в обратном. Потом она все время молчала, но следила за вами, как ястреб, а когда вы ненадолго исчезли, побледнела, отпросилась у королевы и бросилась вас искать. Но вряд ли она упрекала его за такое поведение: в конце концов ее положение не так уж твердо. Она повисла у него на руке и смотрела, как matka-овца на ягненка. Клянусь, это было именно так! – засмеялась Сесилия. – Ну как? Поиграешь еще с сэром Уолтером или тебе надоело? Тони сказал, будто ты притворилась, что не умеешь играть в кости! И это ты, лучший игрок среди фрейлин!

– Ты была права, сказав, что Миллисент не стоит таких трудов. У меня полно дел поважнее. Я хочу перецеловать столько мужчин, сколько удастся, прежде чем меня вынудят уехать обратно на север, чтобы обвенчаться с каким-нибудь

сельским занудой. По крайней мере у меня останутся чудесные воспоминания о моих последних деньках при дворе короля Генриха!

— Вижу, Роджер вдохновил тебя, — усмехнулась Сесилия. — Он такой милый! А теперь давай немного поспим. Завтра придется ехать в Ричмонд, до того как начнутся летние путешествия. Думаю, в этом году мы отправимся на север.

На следующий день двор перебрался из Гринвича в Ричмонд. Ко всеобщему облегчению, в городе не оказалось признаков оспы или чумы. Многие придворные отправлялись в свои имения, покидая королевский поезд, как только он приближался к их владениям. Некоторые девушки уехали домой, чтобы выйти замуж. То же самое вскоре предстояло Миллисент и Сесилии. Мысль о потере лучшей подруги мучила Филиппу, и постепенно она становилась все более неосмотрительной: играла в кости с молодыми придворными, теряя ровно столько, чтобы им захотелось вернуться, платила долги поцелуями, а в последнее время, если верить сплетням, и ласками. Служанка Люси журила молодую хозяйку, но ничего не действовало. Люси сообщила бы ее матери, но не умела писать и не имела средств, чтобы нанять писца.

Королева быстро уставала: как говорили, сказывался возраст. Последняя беременность, похоже, окончательно вымотала ее. Она собиралась удалиться в Вудсток на июль, вместо того чтобы сопровождать короля в его летних поездках.

Генрих был крайне этим недоволен, но все же согласился. Теперь наставлять фрейлин было некому, впрочем, Филиппа вряд ли послушалась бы доброго совета.

Сесилия не собиралась в Вудсток. Ей предстояло вернуться в родительский дом, где в августе должна была состояться свадьба. Раньше предполагалось, что Филиппа поедет с ней, но теперь, после разрыва с Джайлзом, граф и графиня Ренфру не слишком жаждали ее видеть.

– Боюсь, посещение нашего дома воскресит грустные воспоминания о Джайлзе, дорогая, – сказал Филиппе Эдвард Фицхью. – Твоя скорбь и праведный гнев, а также попытки скрыть все это омрачат день свадьбы Сесилии. Уверен, что ты не захочешь огорчать свою лучшую подругу и, следовательно, согласишься с решением, принятым мной и леди Энн.

Филиппа молча кивнула, не вытирая катившихся по щекам слез. Он, разумеется, прав, но пропустить свадьбу Тони и Сесилии...

– Я все рассказал дочери, Филиппа. Прости, дитя мое, я не хотел взваливать такой груз на твои плечи. Эгоистичность и неосмотрительность моего сына все испортили. Ты знаешь, что мы с женой с радостью приветствовали бы тебя как нашу дочку. Я уже написал твоей матери, что всячески готов помочь найти тебе другого жениха.

Волна гнева неожиданно захлестнула Филиппу.

– Я уверена, милорд, что моя семья вполне способна най-

ти мне мужа и без вашей помощи, — холодно процедила она. — А теперь позвольте мне уйти. Сесилии нужно собраться, а без меня ей сделать это трудно.

Она, повернувшись, удалилась.

Легкая улыбка коснулась губ Эдварда Фицхью. Что за простак этот Джайлз! Эта гордая девушка принесла бы в семью огромное приданое. Впрочем, возможно, Филиппа слишком хороша для его глупого сына. Потеря велика... и потому он склонен простить ей неучтивость. Она держалась исключительно хорошо, если принять во внимание тяжесть нанесенного удара и позор, которым покрыло ее поведение их младшего сына.

Вернувшись, Филиппа застала Сесилию в слезах. Усевшись рядом на кровать, она обняла подругу за плечи.

— Твои родители правы. Будь проклят твой братец за все несчастья, которые он на нас навлек. Зато ты напишешь мне и подробно расскажешь о свадьбе. А Мэри и Сюзанна не почувствуют, что ты пренебрегаешь ими ради меня.

— Я ближе к тебе, чем к сестрам, — всхлипнула Сесилия.

— Зато ты обязательно приедешь на мою свадьбу, — заверила Филиппа. — Поверь, моя мать уже переворачивает небо и землю в поисках достойного деревенского болвана, готового взять на себя управление Фрайарсгейтом, поскольку это куда важнее для нее, чем родная дочь.

— Ты поедешь домой этим летом?

— Господи, нет! В первый год я вернулась туда только по

настоянию королевы. Никогда в жизни мне не было так тоскливо! Нет, я отправлюсь во Фрайарсгейт, только если заставят.

– Твоя жизнь этим летом не будет слишком волнующей, поскольку Вудсток – не самое веселое место на свете, – заметила Сесилия.

– Знаю, – простонала Филиппа. – Мы уезжаем через несколько дней. А ты – уже завтра, и не представляю, как я буду без тебя!

– Тони пообещал, что мы приедем ко двору на Рождество. А до тех пор будем жить в его имении.

– Вы собираетесь туда прямо после свадьбы? – спросила Филиппа, складывая несколько пар рукавов в маленький сундук Сесилии.

– Нет. Сначала в Эверли, родовое владение Фицхью, в приграничье, где пробудем месяц, а уж потом переедем в Динмир, который и станет нашим домом. Эверли – маленькое имение и находится очень далеко, так что развлекать гостей не придется. Моя семья давно уже там не живет, но дом содержится в полном порядке.

– Я буду скучать по тебе, – призналась Филиппа.

– И я тоже.

– Теперь, когда ты замужем, а я нет, между нами уже не будет прежнего.

– Но мы навсегда останемся лучшими подругами, – возразила Сесилия.

– Навсегда, – согласилась Филиппа.

Глава 3

Сесилия уехала. Даже ненавистная Миллисент Лэнгхолм тоже убралась. Почти все девушки отправились по домам. Остались только Элизабет Блаунт и Филиппа. А через два дня им предстояло переехать в Вудсток вслед за королевой. Тоскливый, унылый, спокойный Вудсток, где их ждет томительное и скучное лето. Король вместе с немногими знатными подданными, кто не уехал в собственные владения, собирался в Эшер и Пенхерст, где их ждали охота, пиры и развлечения. Королева желала проводить дни в молитвах, чтении книг и вышивании. Спать женщины будут ложиться рано, гостей почти не предвидится. И хотя Оксфордшир был красивым местом, без шумного двора он терял все свое очарование. Но королева любила буколические красоты и пять церквей Вудстока, где она могла слушать мессы. Особенно ей нравилась Круглая церковь. Филиппа была в отчаянии.

– Пойдем со мной, – предложила Бесси Блаунт на следующий вечер после отъезда Сесилии. – Повеселимся немножко с оставшимися джентльменами, прежде чем вести жизнь отшельниц.

Она с улыбкой вручила Филиппе маленький кубок с вином.

– Где ты это взяла? – удивилась девушка.

– Украла, – призналась Бесси со смехом. – Остатки той

прекрасной испанской мадеры, которую оставила Мария де Салинас, когда уезжала, чтобы выйти замуж. Более тонкого вина я еще не пила. И в ее комнатах в Ричмонде с тех пор никто не жил. Кувшин стоял в углу, на полке, в укромной нише. Очевидно, про него попросту забыли. Я не стала его трогать. Грех было бы тратить его зря, но сейчас у нас появился повод. Кровь Христова, а я-то думала, что мы поедем в свите короля! В Вудстоке будет так скучно без него!

Филиппа осушила кубок и протянула приятельнице, безмолвно прося налить еще.

– Как хорошо! Я всегда гадала, какой может быть вкус у такого вина.

Вторую порцию она пила уже медленнее.

– Кое-кто из джентльменов все еще здесь, – сообщила Бесси. – Пойду к ним. Возможно, нам еще долго не придется побыть в компании молодых людей. Так ты идешь?

– Кто там будет? – поинтересовалась Филиппа.

– Роджер Майлдмей, Роберт Паркер и Генри Стандиш.

– Почему бы и нет? – согласилась Филиппа. – Ужасно надоела эта скука. Никогда не думала, что мне будет не хватать Миллисент Лэнгхолм!

– Знаю, – засмеялась Бесси. – Идем, да захвати с собой кубок, потому что вино еще осталось.

Она встала и направилась к выходу, оглядываясь, чтобы убедиться, что Филиппа следует за ней.

– Куда ты собралась? – спросила та.

– На самый верх Наклонной башни. Никто нас там не отыщет. Не хочешь же ты, чтобы нас поймали за игрой в кости и распитием вина?

– Конечно, нет, – кивнула Филиппа, прихлебывая на ходу вино.

Они пересекли средний двор, где к ним присоединились трое молодых людей. Летом тьма сгущалась очень медленно, но они все же захватили с собой небольшой фонарь. Наклонная башня, высотой в четыре этажа, славилась длинной лестницей: сто двадцать ступенек до верха. Они долго взбирались туда, то и дело останавливаясь и хихикая. Вино возымело свое действие, и девушки неумеренно развеселились, сыпля вольными шуточками.

С крыши башни открывался прекрасный вид на реку и сельскую местность к юго-западу от Лондона. Здесь было укреплено множество лазурных с золотом флюгеров, украшенных гербом короля. Мужчины, встав на колени, принялись метать кости. Девушки немного погодя присоединились к ним. Кувшин пошел по кругу.

– У меня больше нет денег, – пожаловалась наконец Филиппа. Сегодня ей не везло.

– В таком случае давайте играть на раздевание, – предложил Генри Стандиш с лукавой улыбкой.

– Ставлю туфельку, – предложила Филиппа, снимая левую туфельку и швыряя в центр игрового поля.

К сожалению, вскоре она проиграла обе туфли, чулки и

рукава.

– Расшнуруй корсаж, Бесси, – попросила она. – Должна же удача наконец улыбнуться мне.

Бесси не колеблясь исполнила просьбу, но и корсаж последовал за остальной одеждой. Филиппа принялась сражаться с завязками юбки, но была уже так пьяна, что пальцы ее не слушались.

Столь же хмельная, но немного более опытная, Бесси решила, что неплохо бы остановить чересчур неосмотрительную подругу. Молодые люди оглушительно хохотали. К тому времени они сами были полураздеты. Только Элизабет Блаунт, похоже, была в выигрыше, потеряв всего лишь туфли.

Филиппа принялась распевать услышанную на конюшне непристойную песенку, а джентльмены хором подпевали:

Пастух ласкал пастушку,
Ах, где бы взять подушку?
На сено уложил он
Влюбленную простушку.
Хей, хей, хонни-нонни, хей, хей, хей!

Довольные собственным пьяным юмором, молодые люди повалились на пол, устроив кучу-малу. Даже Бесси смеялась, не замечая, что волосы разметались по плечам.

– Ш-ш-ш, тише, – пыталась выговорить она. – Нас поймают!

– Кто? – ухмыльнулась Филиппа. – Все, с кем можно по-

веселиться, давно отправились в свои владения. Остались только мы, да и то ненадолго.

– А почему ты не вернулась домой, моя красавица? – плотоядно ощерился Паркер, не сводя глаз с расшнурованного корсажа, обнажавшего груди.

– В Камбрию? Развлекаться в компании овец? – обиделась Филиппа. – Даже торчать в Вудстоке и то предпочтительнее!

– Кам-Кам-Камбрия, – пропел лорд Роберт. – Бедная мистрис Филиппа! Кто захочет жениться на девушке с именем в Камбрии и отарами овец?

– Давайте-ка выпьем! – предложил Роджер, прикладываясь к кувшину и передавая его по кругу.

– Я... ик... ненавижу Камбрию! – провозгласила Филиппа. – Давайте играть и посмотрим, кто выиграет мою юбку! А может, я сумею отыграть свой корсаж у тебя, Хэл Стандиш!

Она метнула кости и разочарованно вздохнула:

– Ну что же, забирай юбку. Да и на что она мне без корсажа?

Привстав, она снова принялась сражаться с завязками юбки и на этот раз победила. Шелк с тихим шорохом упал к ее ногам.

– Какого дьявола тут творится? – проревел знакомый голос, и на крышу выступил король в сопровождении Чарлза Брендона, графа Суффолка.

Молодые люди невольно съежились под его разъяренным взглядом.

– Майлдмей! Стандиш! Паркер! Немедленно объяснитесь!

– М-мы играем в к-кости, ваше в-величество, – пробормотала Филиппа, едва ворочая языком. – И я н-никак н-не могу отыграть свою одежду. Б-боюсь, сегодня удача отвернулась от меня... ик!

Она снова икнула и хихикнула. Чарлз поспешно проглотил смешок. Девушка, похоже, пьяна до потери сознания.

– Совсем не та приличная молодая леди, какой была ее матушка, а, Хэл? – тихо заметил он.

Король мрачно нахмурился:

– Мистрис Блаунт! Немедленно помогите вашей подруге надеть платье и проводите в спальню. Завтра же утром после мессы приведете ее в мой кабинет. Понятно?

Элизабет Блаунт, побледнев как полотно, вмиг отрезвела.

– Да, ваше величество, – едва слышно прошептала она, принимаясь собирать разбросанную одежду Филиппы и кое-как напяливать ее на обмякшую девушку. Та, опьяневшая до помрачения сознания, принялась снова распевать о пастухе и пастушке.

Король не верил своим глазам. Из голов джентльменов с перепугу мгновенно улетучился хмель. Но как они ни пытались скрыть неуместную веселость, стоило Чарлзу смешливо фыркнуть, как в воздухе загремели раскаты здорового мужского хохота.

Тем временем небо окончательно потемнело, и только

неяркий свет маленького фонаря освещал всю эту сцену. Бесси поспешно подняла на ноги кое-как одетую Филиппу, но удержать не смогла. Ноги девушки подкосились, и она медленно опустилась, удобно уложив на сапоги короля, как на подушку, буйную рыжую головку.

– Устала, – объявила она. – Ужасно устала... – И, свернувшись калачиком, мирно засопела.

Воцарилось напряженное молчание, на протяжении которого большинство присутствующих едва осмеливались дышать. Наконец король сухо приказал:

– Майлдмей, проводите малышку в постель. Стандиш, вы и Паркер снесете ее по лестнице, а потом передадите сэру Роджеру. Мистрис Блаунт, вы будете ее сопровождать. Общим запрещено покидать спальню фрейлин, пока не приведете мистрис Мередит ко мне. А вы трое вернетесь сюда послушать мою лекцию о звездах, которые можно увидеть сегодня с этой крыши. По крайней мере я смогу быть уверен, что вы не проберетесь в спальню фрейлин. Мистрис Блаунт, закройте дверь на засов, а я на обратном пути проверю. Надеюсь, вам все ясно? Что же до вас, джентльмены, надеюсь, в ближайшие два дня вы отправитесь в свои имения. Я еду в Эшер, но вас с собой не приглашаю.

– Да, ваше величество, – хором ответила троица, значительно присмирив.

– Если пожелаете, можете вернуться к Рождеству, – продолжал король, – но до той поры не хочу вас видеть.

– Да, ваше величество, – дружно повторили они.

Лорд Паркер и лорд Стандиш подхватили Филиппу за ноги и плечи и в сопровождении сэра Роджера и Бесси Блаунт начали спускаться вниз.

Чарлз Брендон снова рассмеялся, услышав, как один из молодых людей пожаловался:

– Иисусе! Девчонка весит больше, чем я предполагал.

– Просто она повисла на нас мертвым грузом, глупец ты этакий, – ответил второй.

– Клянусь Богом, Хэл, – заметил граф Суффолк шурина, – Розамунду Болтон удар бы хватил, узнай она, как дурно ведет себя дочь. Что собираешься делать?

– Этот чертов Фицхью разбил девочке сердце, – вздохнул король. – Мало того, Ренфру с женой не позволили ей приехать на свадьбу дочери из страха, что она своим грустным видом испортит праздник Сесилии Фицхью, а ведь девушки были лучшими подругами. Никогда не ожидал, что Филиппа будет вести себя столь непристойно! Я должен поговорить с королевой, хотя, похоже, уже понял, что предпринять.

– И ты действительно проверишь, заперта ли дверь спальни фрейлин? – поддразнил Чарлз.

– Обязательно!

– А мистрис Блаунт – очаровательная девица, как по-твоему? – заметил граф Суффолк.

– Да, – задумчиво пробормотал король.

Утром Филиппа проснулась от головной боли, ужаснее ко-

торой не испытывала за всю свою жизнь. Утренний свет резал глаза. В висках невыносимо стреляло. Она едва двигалась, но Бесси чуть ли не силой стащила ее с постели.

– Я умираю... – твердила бедняжка.

– Некогда! Нужно одеваться и идти к мессе. Одно дело, когда фрейлины и весь двор на месте, и совсем другое – когда все разъехались. Королева обязательно нас хватится, тем более что сможет пересчитать оставшихся фрейлин по пальцам одной руки.

– А что случилось? – спросила Филиппа. – Как я оказалась в постели, в одной сорочке?

– Не помнишь? – ухмыльнулась Бесси.

– Нет, – простонала Филиппа, пытаясь покачать головой.

– Когда закончились деньги, ты стала играть на свою одежду, – начала Бесси. – Прошлой ночью тебе не повезло. Сначала ты потеряла туфли и чулки, потом рукава и корсаж. Мы пели неприличную песню и много пили, и в конце концов ты проиграла юбку.

– И осталась в одной камизе? – ужаснулась Филиппа.

– И это еще не самое худшее. Король вместе с графом Суффолком поднялся на крышу Наклонной башни, чтобы изучать звезды, и застал нас. Ты спела ему все ту же непристойную песню, которой прежде развлекала общество. Он велел мне одеть тебя и увести, но тут ты рухнула к его ногам, улеглась на сапоги и захрапела.

– О-о-о, Мария сладчайшая! – охнула Филиппа. – Я про-

пала.

Ей и без того было нехорошо, но тут ее лицо приняло зеленоватый оттенок.

– И что было дальше? – нервно спросила она.

– Король приказал отнести тебя в спальню фрейлин, а Роджеру и остальным – убраться в свои имения и не показываться до самого Рождества. А тебе нужно после мессы прийти в его кабинет. Я должна тебя сопровождать.

– Ой, сейчас меня вырвет! – неожиданно выпалила Филиппа.

Бесси едва успела схватить пустой ночной горшок и протянуть подруге. Отвернувшись, она услышала красноречивые звуки и зажмурилась. Когда звуки стихли, Бесси снова обернулась:

– Мы опоздаем к мессе. Прополощи рот розовой водой и пойдем. Но только ничего не пей. Ни глотка, иначе тебя снова вывернет. Позже я принесу немного вина.

– Отныне я навсегда забуду о вине, – объявила Филиппа.

Бесси рассмеялась:

– Доверься мне. Клин клином вышибают, а немного вина на опохмелку решит все проблемы. Кроме разве головной боли.

– Умираю, – повторила Филиппа; даже прополоскав рот, она не смогла избавиться от кислого привкуса.

Они поспешили в королевскую часовню, успев как раз к тому моменту, когда прибыла королева. При взгляде на Фи-

липпу она грустно покачала головой и проследовала на свое место. Филиппа поняла, что ее величеству все известно. Ну вот, три года безупречной службы, а теперь она навеки себя опозорила. И все из-за человека, который предпочел сан священника женитьбе на ней! О чем только она думала? И думала ли вообще? Ну не хочет она жить во Фрайарсгейте до конца дней своих! Уж лучше остаться при дворе! Но что делать, если ее отошлют? И тогда она больше никогда не увидит Сеси! О черт! Во всем виноват Джайлз! Какая же она дура! Безмозглая, легкомысленная идиотка! О Господи! Опять эта тошнота. Только бы не вырвало! Только бы не...

Она судорожно сглотнула желчь, умоляя Господа смилостивиться над ней.

После окончания мессы Филиппа под неусыпным надзором Бесси Блаунт поплелась в кабинет короля. Девушки долго переминались с ноги на ногу в приемной вместе с просителями и иностранными торговцами, искавшими аудиенции его величества. Наконец за ними пришел паж в ливрее цветов короля.

– Его величество передали, что вы можете идти, мистрис Блаунт, – с вежливым поклоном сказал он Бесси. – А вы, мистрис Мередит, следуйте за мной.

– Удачи, – шепнула Бесси, ободряюще пожав ледяную руку подруги, а сама поспешила на завтрак.

– Сюда, мистрис, – показал паж, подводя ее к маленькой двери, которую он закрыл, как только Филиппа переступила

порог.

– Заходи, дитя мое, – слышался голос королевы.

– Да, заходи, мистрис Мередит, и объясни свое вчерашнее поведение, – строго добавил король.

Королевская чета сидела за дубовым столом. Филиппа сделала реверанс, боясь, что от такого усилия голова отвалится, и попыталась что-то выговорить, хотя язык не повиновался.

– Моему ужасному поступку нет извинений, – наконец пролепетала она, – но в свое оправдание могу только сказать, что никогда раньше не вела себя подобным образом, и заверяю ваши величества, что впредь больше не осмелюсь на такое.

– Надеюсь на это, Филиппа Мередит, – мягко заметила королева. – Твоя матушка будет очень расстроена, узнав о столь непристойном нарушении этикета.

– О, мне так стыдно, ваше величество, – едва не заплакала Филиппа. – Но я почти ничего не помню. Бесси Блаунт рассказала мне, что произошло, когда я утром проснулась. Поверьте, раньше со мной такого не бывало, и вы сами это знаете.

– Ты была пьяна, – спокойно заметил король.

– Да, ваше величество, – призналась Филиппа, повесив ноющую голову.

– И почти голая, – продолжал он.

– Да, ваше величество.

По щекам девушки хлынули слезы.

– И пела похабную песню. Удивляюсь, откуда девушке из приличной семьи известны такие песни?

– Я слышала ее на конюшне.

– Ты играла на свою одежду, и не появившись я на крыше, одному Богу известно, что бы с тобой приключилось, – упрекнул король. – Как может девушка из хорошего рода так рисковать своей репутацией? Я знал твоего отца, Филиппа Мередит. Он был на редкость благородным человеком. А твоя мать всегда была моей доброй подданной, несмотря на замужество с шотландцем. Ее верная служба и преданность этому дому обеспечили твое положение при дворе. Неужели ты готова пустить на ветер все, что тебе дала судьба?

Филиппа начала громко всхлипывать.

– О нет, ваше величество! Я счастлива и горда служить своей королеве! Я всегда только об этом и мечтала. Мне ужасно жаль! Простите меня, ваше величество. Я не могу вынести мысли о том, что так разочаровала вас!

И она зарыдала еще пуще, закрыв лицо маленькими ручками.

Король неловко заерзал. Он терпеть не мог женских слез. Поднявшись, он обошел стол, обнял Филиппу за плечи и стал вытирать ей щеки шелковым платком.

– Не плачь, девушка. Это еще не конец света, – заверил он и, оставив ей платок, снова уселся за стол.

Филиппа попыталась взять себя в руки. Какой кошмар!

Реветь, как малый ребенок, в присутствии монарха! Но голова невыносимо болела, а в животе бушевала буря.

— Я... я так боялась, что вы меня отошлете, — выдавила она наконец и, утерев напоследок лицо, выпрямилась.

— Так оно и есть, — объявил король, поднимая руку, чтобы пресечь все возможные возражения. — Но тебе будет позволено вернуться, Филиппа Мередит, когда разрешат родные. Тебя не было дома несколько лет, и мы понимаем, как ты расстроена изменой Джайлза Фицхью и запретом посетить свадьбу лучшей подруги. Твоей матери нужно поговорить с тобой о возможном браке, ибо тебя необходимо выдать замуж в течение этого года. А когда твое сердце успокоится, Филиппа Мередит, и твоя мать согласится снова отпустить тебя ко двору, мы с радостью согласимся принять тебя обратно. Ты вместе со служанкой завтра же отправишься домой. Поедете в составе поезда королевы, доберетесь до Вудстока. А затем продолжите путь под нашей защитой.

Возражать было невозможно. Никто не спорит с королем. И он сказал, что она может вернуться!

— Благодарю, ваше величество, — сказала она.

— Скажи спасибо, что в Ричмонде почти никого не осталось и мало кто узнает о твоей нескромности, — заметил король. — Уверен, что ко времени твоего возвращения все будет забыто.

Он протянул ей руку. Филиппа почтительно поцеловала королевский перстень.

– Спасибо, ваши величества. Пожалуйста, примите извинения за мое немыслимое поведение вчера вечером. Больше этого не случится.

– Повезешь письмо к матушке, – предупредил король, прежде чем взмахом руки отпустил ее.

Филиппа с глубоким вздохом облегчения попятилась к двери.

Королева повернулась к мужу:

– Умоляю, господин мой, будьте как можно дипломатичнее, когда станете писать Розамунде Болтон. Я действительно хочу видеть Филиппу при дворе и знаю, что она не желает, подобно матери, прожить всю жизнь на севере.

– Странно, – покачал головой король. – Розамунда никогда не любила двор. Ее сердце и помыслы всегда были с любимым Фрайарсгейтом. Всякий раз, когда она бывала вынуждена приезжать ко двору, то не могла дожидаться возвращения. Но ее старшая дочь обожает двор и, как я подозреваю, рождена стать придворной дамой. Интересно, что произойдет, когда мать и дочь встретятся на этот раз? Вряд ли Филиппа по доброй воле захочет остаться в Камбрии.

– Но она будущая хозяйка Фрайарсгейта! – возразила королева.

– Подозреваю, что ей это совершенно безразлично, – усмехнулся Генрих Тюдор.

Филиппа поспешила в покои фрейлин, где наверняка уже ждала Бесси.

– Меня отсылают домой! – трагически объявила она, входя в комнату.

– Что случилось? – всполошилась Бесси. – Надеюсь, тебе позволят вернуться? Ужасно, если ты останешься там навсегда!

– Позволят, – вздохнула Филиппа, – только вот когда – неизвестно! И король, и королева дали мне хорошую взбучку.

– Ты плакала?

– Плакала, – призналась Филиппа. – Мне было так стыдно!

– Ничего страшного, иначе, боюсь, тебе пришлось бы куда хуже. Я слышала, король терпеть не может женских слез, – усмехнулась Бесси. – Когда ты уезжаешь?

– Мне приказано следовать вместе с королевским кортежем до Вудстока, а оттуда меня проводят до Фрайарсгейта. Люси почти закончила сборы. Уж она-то будет счастлива, узнав, что мы едем домой.

– Неужели там так ужасно? – полюбопытствовала Бесси. – Я сама, как ты знаешь, из Шропшира. Говорят, у нас самые суровые во всей Англии зимы. А моя семья не так уж и знатна. Но хотя я тоже люблю двор, всегда счастлива видеть Кинлет-Холл и матушку. А ведь мне не так повезло, как тебе, наследнице огромного имения!

– Знаю. Наверное, я очень глупа, – вздохнула Филиппа, – но с радостью поменяла бы свое обширное имение на ма-

ленькое в Кенте, Суффолке или даже Девоне. Земли моей матери требуют особого ухода. Она и мой дядя Томас, лорд Кембридж, выращивают овец, из шерсти которых во Фрайарсгейте ткут сукно и перевозят на своем корабле в другие страны на продажу. Они строго следят, сколько этой ткани продано и кому. И хотя их доходы растут, большая часть снова вкладывается в дело и в сам Фрайарсгейт. Я давно усвоила от матери, что, если на плечах лежит такая ответственность, следует самим справляться со всеми трудностями. Очень немногим людям можно передоверить такое бремя хотя бы частично. Не хочу я проводить всю жизнь в таких трудах, Бесси. И не желаю владеть Фрайарсгейтом, потому что тогда эта ответственность перейдет ко мне. Я мечтаю жить при дворе и служить их величествам, выйти замуж за придворного, который понимает мои устремления, потому что сам служит монарху. Мой отец Оуэн Мередит с шести лет жил в хозяйстве Тюдоров и был посвящен в рыцари на поле битвы. Я едва помню отца, Бесси, но любила его и восхищалась им. По-моему, характером я больше похожа на него, чем на мать. От нее я взяла лишь некоторые черты. Кое-кто во Фрайарсгейте утверждает, что я копия своей прабабки, но это трудно доказать.

– Твоя семья всегда казалась мне дружной и любящей. А твои сестры приедут ко двору? – спросила Бесси.

– Бэнон уже достаточно взрослая. Она наследница Оттерли-Корта, дома лорда Кембриджа. А младшую, как и тебя,

зовут Бесси. Боюсь, я их совсем не знаю.

– Но скоро ты с ними встретишься, и все пойдет по-старому.

– А ведь есть еще мой маленький сводный брат Джон Хепберн и братья, рожденные матерью от моего отчима. Как это странно – иметь сводного брата и еще двоих, наполовину шотландцев!

– Значит, тебе не придется скучать в отличие от меня! Я думала, что этим летом с королевой останутся Мэгги, Джейн и Энн.

– Мать Джейн заболела, и она понадобилась дома. Не знаю, вернется ли снова. Мать Мэгги – ирландка. Она попросила королеву отпустить дочь, чтобы вместе навестить старенькую бабушку Мэгги в Ирландии. А родные Энн нашли для нее подходящего мужа и вытребовали ее домой, чтобы дать возможность познакомиться с женихом, – объяснила Филиппа. – Да, боюсь, тебя ждет довольно тоскливое лето, но я попытаюсь вернуться как можно скорее.

– А я думала, это должна решить твоя мать, – удивилась Бесси Блаунт.

Филиппа улыбнулась:

– Я не буду счастлива дома, а в этом случае никому не видать спокойной жизни, пока мне не позволят вернуться ко двору, в общество цивилизованных людей.

Бесси только головой покачала:

– Ты и в самом деле должна научиться быть посговор-

чивее, Филиппа Мередит. Мужчины не любят своевольных женщин.

– А мне все равно, – рассмеялась Филиппа. – Я такова, какая есть, ни больше ни меньше. По крайней мере я честна в отличие от некоторых. Миллисент Лэнгхолм жеманится и краснеет, но мы знаем, что как только на ее пальце окажется колечко, сэр Уолтер получит другое, продетое сквозь ноздри, за которое она будет водить его всю оставшуюся жизнь.

– С этим трудно спорить, – согласилась Бесси.

На следующий день королева и ее свита отправились в Вудсток, а король и придворные перебрались из Ричмонда в Эшер, где собирались поохотиться. Филиппе разрешили с денек отдохнуть в Вудстоке, после чего она вместе с Люси отправилась во Фрайарсгейт. Вещей у них было немного, поскольку большая часть осталась в доме лорда Кембриджа. К тому же богатые придворные платья вряд ли будут уместны во Фрайарсгейте. И хотя ей вовсе не улыбалось провести дома несколько месяцев, все же что ни говори, а чем меньше багажа, тем легче путешествие.

Вечером накануне отъезда Филиппу позвали в кабинет королевы, где уже ожидал незнакомый джентльмен. Королева сидела за столом и казалась бледнее обычного.

– Входи, Филиппа, – позвала она. – Это сэр Байард Данем, дитя мое. Он проводит тебя и твою служанку домой. Я отдала необходимые приказы, и, кроме того, у него письмо к твоей матушке. Вас будет сопровождать дюжина солдат мо-

ей личной охраны. Выехать нужно на рассвете.

– Спасибо, ваше величество, – пробормотала Филиппа.

– Передай матушке мой привет и наилучшие пожелания и скажи, что я надеюсь на твое возвращение к Рождеству, если, разумеется, ты собираешься и дальше мне служить и успеешь оправиться от обиды, нанесенной младшим Фицхью.

– Да, мадам!

Филиппа широко улыбнулась. Она уже вполне излечилась от своей несчастной привязанности к двулличному Джайлзу, для чего вполне хватило небольшого приключения на крыше башни, но королева, разумеется, этому не поверит.

– И пусть Господь и его милосердный сын, наш небесный повелитель Иисус Христос, защитят ваше величество и исполнят все желания вашего сердца, – пожелала Филиппа и удалилась в сопровождении сэра Байарда Данема.

Королева милостиво склонила голову.

Едва они оказались в приемной, как сэр Байард предупредил:

– Надеюсь, вы понимаете, что такое рассвет, мистрис Мередит. Мы не станем тратить полдня в ожидании, пока вы закончите свой туалет. И насколько велика телега с вашими вещами?

– Моя придворная одежда вряд ли подходит для Камбрии, – спокойно ответила Филиппа. – Мы с моей служанкой Люси увезем все необходимое во व्यючных сумках. Я сама терпеть не могу длинных поездок и, хотя не слишком рвусь

провести лето во владениях матери, все же спешу попасть домой. Полагаю, каждый день мы будем скакать дотемна и вы успели распорядиться насчет гостиниц?

– Совершенно верно, – кивнул он, ничуть не оскорбленный язвительным тоном, и, низко поклонившись, добавил: – Увидимся утром, мистрис Мередит.

Филиппа сделала реверанс и, круто повернувшись, отправилась на поиски Люси.

– Наш эскорт – сэр Байард Данем, – объявила она. – Суровый старый ястреб. Я иногда встречала его при дворе. Мы уезжаем на рассвете, и он уже заявил, что не потерпит опозданий.

– Я прослежу, чтобы на кухне нам дали поесть, – нахмурилась Люси. Она сильно изменилась и повзрослела с того дня, когда вместе с Филиппой въехала в Эдинбург и обе с открытыми ртами взирали на красоты первого увиденного ими города.

– Ты вернешься со мной ко двору, Люси? – неожиданно спросила Филиппа. – Знаю, ты скучаешь по Фрайарсгейту куда сильнее меня.

– Конечно, вернусь! – воскликнула Люси. – Если вы возьмете с собой другую девушку, тяжеленько вам придется, пока она чему-то научится! Несколько месяцев во Фрайарсгейте – и я излечусь от всякого желания остаться там навечно! Служанка, хмыкнув, погладила по руке молодую хозяйку.

– Черт побери, мне в нос уже ударил овечий запах!

Утром, еще до того как взошло солнце, они уже успели позавтракать овсянкой с молоком, свежим хлебом с маслом и сливовым джемом, запили все это королевским вином с водой и направились к конюшням, где их ожидали солдаты. Сэра Байарда нигде не было видно. Женщины попросили конюхов вывести их лошадей. Мужчины стали садиться на коней, и только тогда наконец появился их провожатый, явно стыдясь того, что после стольких увещаний проспал сам, а Филиппа и Люси уже сидят в седлах.

– Где корзинка с едой? – вдруг встревожилась Филиппа.

– Здесь, миледи, – откликнулся капитан стражи, показывая на спинку седла, к которой была приторочена корзинка.

– Значит, мы готовы ехать, сэра? – обратилась Филиппа к сэру Байарду.

Тот свирепо нахмурился в полной уверенности, что девушка издевается, но лицо ее оставалось совершенно серьезным, поэтому он кивнул – сначала ей, потом капитану.

Они оставили Вудсток, проехали через город с тем же названием и выбрались на северную дорогу. Примерно через час Филиппа робко коснулась рукава сэра Байарда. Тот растерянно уставился на нее, но она молча вручила ему небольшой сверток. Развернув салфетку, он увидел толстый ломоть намазанного маслом хлеба, поверх которого лежали нарезанное яйцо и кусок окорока. Филиппа уже отвернулась и что-то говорила служанке. В животе старого воина заурчало. Он жадно вонзил зубы в предусмотрительно поданный завтрак,

подумав, что, возможно, девушка не так уж легкомысленна, как показалось с первого взгляда. Значит, не все фрейлины королевы одинаковы!

Они выбрали почти тот же маршрут, которым Филиппа ехала ко двору. Тот самый, которым возвращалась когда-то домой ее мать. Позади остался прекрасный Уорикшир с величественным замком и зелеными лугами. Печально известные дороги Стаффордшира совершенно не изменились, и хотя дождя не было, каждая переправа через реку давалась с большим трудом.

– Возмутительно! Этому нет извинений! – бормотал сэр Байард.

Добравшись до Шропшира, Филиппа вспомнила, что где-то здесь расположено фамильное имение Бесси Блаунт.

– Мы не остановимся в Кинлет-Холле? – спросила она.

– К сожалению, нет. Для этого нужно специально свернуть с пути.

В этот момент на дорогу высыпала большая отара овец с черными мордами, и сэр Байард громко выругался.

– Немедленно уберите чертовых животных! – приказал он своим людям.

– Ни за что! – вскричала Филиппа. – Если рассеять отару, пастуху придется долго ее собирать, а несколько овец обязательно потеряются. Нельзя лишать фермера заработка. А мы вполне можем подождать.

– Вы разбираетесь в овцеводстве? – удивился сэр Байард.

– Овцы и их шерсть – богатство моей семьи, – объяснила девушка. – А в этом графстве выведена особая порода. Они так и называются – шропширские овцы. Их шерсть высоко ценится. У моей матери есть несколько таких отар.

Сэр Байард изумился еще больше.

– Знаете, я был знаком с вашим отцом, – сообщил он наконец.

– Я до сих пор его помню, хотя он умер, когда я была очень маленькой.

– Хороший человек! – резко бросил сэр Байард. – Преданный. Честный. Всегда исполнял свой долг. Он не оставил сыновей?

– Нет, по крайней мере живых.

Овцы наконец убрались, и пастух дружески помахал всадникам рукой в знак благодарности. Маленькая кавалькада постепенно продвигалась на северо-запад, к Камбрии, миновав равнины Чешира и поросший лесами Ланкастер. Унылые голые холмы, выросшие перед ними, подсказали Филиппе, что они оказались на окраине Уэстморленда.

– Завтра мы должны быть в Карлайле, – заметила Филиппа. – Еще полтора дня на то, чтобы добраться до Фрайарсгейта. Нам очень повезло, сэр Байард, что последнее время не было дождей.

– Верно, – кивнул он. – Впрочем, летом в этих местах обычно сухо.

– Из Фрайарсгейта вы, конечно, отправитесь в Эшер, к

королю? – спросила Филиппа.

Сэр Байард покачал головой:

– Я много лет служу ее величеству. И не настолько молод, чтобы угнаться за королевскими забавами.

Назавтра они действительно приехали в Карлайл и остановились в гостеприимном доме монастыря Святого Катберта, настоятелем которого был Ричард Болтон, двоюродный дед Филиппы. К счастью, он оказался в Карлайле и поспешил приветствовать родственницу. Высокий представительный мужчина с ярко-голубыми глазами искренне обрадовался госте.

– Филиппа! Твоя матушка не сказала, что ты возвращаешься домой! Добро пожаловать! – воскликнул он, снимая ее с коня.

– Меня отослали домой, дедушка, но пока непонятно, с позором или нет. Узнаем, когда матушка прочитает письмо королевы. Однако меня пригласили ко двору на Рождество для исполнения прежних обязанностей, – объяснила она, целуя его в щеку.

– Что же, если так, твой проступок не может быть очень уж серьезным, – заверил Ричард Болтон. – Это имеет какое-то отношение к Джайлзу Фицхью, дитя мое?

Глаза Филиппы потемнели.

– Этот ублюдок! – яростно прошипела она.

– Значит, имеет, – слегка усмехнулся он. – Моя дорогая Филиппа, могу сказать только, что, когда Господь призывает

ет, смертный должен прислушаться. Иного решения просто не может быть, а Рим способен очаровать любого. Насколько я понял, он получил место в самом Ватикане. Очевидно, церковь распознала в нем великий талант, и любая невеста и северные владения бледнеют по сравнению с таким возвышением.

– Наверное, ты прав, – сухо обронила Филиппа. – Я справилась со своими горестями, дедушка, но мама считала младшего сына графа прекрасной для меня партией. Просто не знаю, что теперь делать! Ни один молодой джентльмен из моих знакомых не захочет взять замуж девушку с такими землями, как у меня. Далеко от двора, огромная ответственность... А мне уже пятнадцать! Боюсь, что обречена на вечное девство!

– А я уверен, что Розамунда найдет выход, дитя мое, – спокойно ответил настоятель.

– Я хочу вернуться ко двору, дедушка, в этом можешь быть уверен, – мрачно буркнула Филиппа. – Не желаю всю жизнь быть прикованной к деревенскому простаку только потому, что матушка вообразит, будто он сумеет хорошо позаботиться о ее любимом Фрайарсгейте! Понимаю, что он значит для нее куда больше, чем я и все остальные. Но я – не она.

Ричард Болтон встревоженно нахмурился. Пусть Филиппа не любит Фрайарсгейт, но она не менее упряма, чем его племянница Розамунда. Похоже, семейство Болтонов – Ме-

редитов – Хепбернов ожидает не слишком мирное лето.

Глава 4

С вершины холма Филиппа смотрела на долину Фрайарсгейт. Лучи полуденного солнца сверкали, отражаясь в озерной воде. Поля, как всегда, выглядели тщательно ухоженными. Овцы, коровы и лошади паслись на поросших густой травой лугах. Похоже, мать приумножила отары, потому что овец было гораздо больше, чем помнила Филиппа.

– Местность выглядит мирной и процветающей, – заметил сэр Байард.

– Верно, – сухо согласилась Филиппа, а Люси ехидно хмыкнула. Филиппа тронула коня, и кавалькада стала медленно спускаться вниз. Селяне, разинув рты, не сводили глаз с прекрасной незнакомки. Прошло два года, и теперь не многие узнавали ее, ибо Филиппа превратилась из девочки в молодую женщину.

Сэр Байард большую часть жизни провел при дворе. И хотя здешние пейзажи выглядели очень живописными, а люди – сытыми и довольными, он вдруг осознал, что вряд ли был бы счастлив в столь безмятежном окружении, и искренне посочувствовал своей подопечной. Филиппе Мередит предназначено жить в столице. Не в провинции.

Не успели они въехать во двор, как навстречу выбежал младший конюх и взял под уздцы лошадей. Дверь распахнулась, и на пороге выросла Мейбл Болтон, жена Эдмунда,

местного управителя. Эдмунд и его брат, настоятель Ричард, были детьми прапрадеда Филиппы, от одной матери, но, к сожалению, побочными. Оба родились до женитьбы отца, законная жена которого тоже родила мужу двух сыновей, старшим из которых был Гай Болтон, дед Розамунды. Он погиб вместе с женой и сыном, оставив Розамунду Болтон своей наследницей, опекуном же стал Генри, его младший брат.

Завидев гостей, Мейбл радостно взвизгнула и помчалась было обратно, но тут же остановилась и бросилась к Филиппе.

– Моя деточка вернулась! – громко всхлипнула она, обнимая девушку. – Почему не предупредила о приезде, нехорошая девчонка?

– Потому что сама все узнала только несколько дней назад. И должна честно признаться, что меня отослали домой лечить разбитое сердце, хотя я вполне оправилась от удара.

– О, мое бедное дитя, – шмыгнула носом Мейбл. – Быть брошенной этим негодяем! Да он доброго слова не стоит, твой Джайлз. Ничего, Господь ему воздаст!

– Мейбл, это сэр Байард Данем, мой провожатый. Он служит королеве, и нужно приютить его и солдат на несколько дней, прежде чем они отправятся в обратный путь. Проследи, чтобы всех напоили и накормили. А где матушка и сестры?

– Твоя мать в Клевенз-Карне, с Хепберном. Бэнон – в Оттерли, как подобает хозяйке дома. Бесси где-то здесь. Заходи

скорее, дитя мое, и вы тоже, сэр Байард.

Мейбл оглядела отряд вооруженных до зубов людей и покачала головой:

– И все остальные тоже.

Вновь прибывшие немедленно воспользовались приглашением, и Мейбл принялась отдавать приказы слугам. Те расставили столы и усадили гостей.

– И покормите их! Уже поздно, и они, должно быть, умирают от голода, – добавила она, поворачиваясь к сэру Байарду. – Поскольку погода достаточно теплая, не возражаете, если мы разместим ваших людей в конюшне? Вряд ли им прилично оставаться в доме в отсутствие хозяев.

– Совершенно с вами согласен, – кивнул сэр Байард. – Когда они поедят, я сам отведу их.

– А вы можете остаться здесь, сэр. Сейчас же велю служанке принести тюфяк и сделать вам удобную постель. Вы уже не так молоды и нуждаетесь в уюте и тепле.

– Спасибо, мадам, – кивнул сэр Байард. Эта простая сельчанка очень прямолинейна, но добра. Он уже и не помнит, чтобы кто-то так заботился о его удобствах, а мысль о теплой постели была весьма утешительной.

– Наверное, стоит послать за мамой, – предложила Филиппа. – И поскорее покончить со всем этим. Уверена, ей найдется много чего сказать мне. Я не намерена долго оставаться во Фрайарсгейте. Меня просили вернуться ко двору. Королева нуждается в опытных фрейлинах. Большинство

прежних разъехали по домам, где их ждут женихи. Кстати, Бэнон вскоре могут призвать ко двору. Думаю, ей это понравится.

– Бэнон тоже собирается в столицу? О, дорогое дитя! Какая честь! И все благодаря дружбе твоей мамы с королевой! – выпалила Мейбл.

В этот момент в зале появилась девочка-подросток: длинные растрепанные, почти белые волосы, платье явно выдавало лучшие дни и висело бесформенным мешком. Не говоря ни слова, она уставилась на Филиппу и сэра Байарда.

– Подойди и поздоровайся со своей сестрой Филиппой, Бесси, – велела Мейбл.

Элизабет Мередит выступила вперед и присела в реверансе перед сэром Байардом и сестрой.

– Добро пожаловать домой, Филиппа.

– Почему ты одета, как крестьянская девчонка? – резко спросила Филиппа.

Бесси удивленно подняла брови.

– Потому что у меня нет роскошных нарядов, как у тебя, сестрица, а те, которые есть, я предпочитаю содержать в чистоте. Вряд ли можно пасти животных в придворных платьях.

– Но и в моем при дворе не появишься, – возразила Филиппа. – Я оставила все дорогие туалеты в лондонском доме дядюшки Томаса. А почему ты пасешь животных?

– Потому что мне это нравится. Хочется быть хоть чем-

то полезной матушке.

– Я фрейлина королевы, и, поверь, это отнюдь не бесполезное занятие. Служить королеве Екатерине – большая честь, и у нас, фрейлин, едва хватает времени на сон. Мы заняты с утра до вечера.

– И тебе нравится такая жизнь? Впрочем, что я спрашиваю, сестрица, ведь ты не была дома целую вечность.

– Двор короля Генриха – это центр вселенной, – объявила Филиппа с сияющими глазами. – Скорее бы туда вернуться!

– В таком случае зачем было приезжать? – съязвила Бесси.

– А вот это не твое дело! – отрезала Филиппа.

– Все из-за этого парня, верно? – рассмеялась Бесси. – Все мальчишки – дураки. Уж я никогда не свяжусь ни с одним из них! Ничтожные бездельники, все, исключая разве что наших младших братьев.

– Ты не знаешь, о чем говоришь, Бесси Мередит. Когда-нибудь ты выйдешь замуж, хотя не представляю, кто на тебе женится. У тебя нет своей земли, а женщина должна принести в приданое землю. Но пока тебе рано об этом думать. Сколько тебе лет?

– Одиннадцать, и если кто-то и женится на мне, то исключительно по любви, а не из-за каких-то земель!

– Девочки, девочки, перестаньте ссориться! – вмешалась Мейбл. – Бесси, немедленно смой грязь с лица и рук!

– Зачем? Стоит выйти на улицу, и я снова выпачкаюсь, – пожалала плечами Бесси, но послушно направилась к лестнице.

це, ведущей на второй этаж.

– Удивляюсь, как мама позволяет ей ходить такой растрепой! Совершенно невоспитанная девчонка, – заметила Филиппа, едва сестра исчезла из виду.

– Она младшая из детей твоего отца, – объяснила Мейбл. – Теперь у твоей мамы новая семья, которая в ней тоже нуждается. Дети, муж... сама понимаешь.

– Но Бесси совершенно распустилась! Нельзя позволять ей бегать где попало! – чопорно объявила Филиппа, прежде чем обратиться к сэру Байарду. – Пойдемте, сэр. Сядете рядом со мной за высокий стол. Слуги принесут нам ужин.

Вошедший Эдмунд Болтон тепло приветствовал Филиппу и поблагодарил сэра Байарда за заботу о девушке. Он уже успел послать гонца через границу, в Клевенз-Карн. А когда Филиппа и Бесси отправились спать, уселся у огня вместе с сэром Байардом и женой, попивая виски, которое готовил муж Розамунды.

– Как-то непонятно, – начал сэр Байард. – Англичанка, владелица богатых имений, состоящая в дружбе с самой королевой, а вышла за шотландского лэрда!

– Здесь, на границе, заключается много таких браков, – пояснил Эдмунд. – А наша Розамунда еще и близкая подруга королевы Маргариты.

– Я слышал, теперь она называется просто матерью короля, – заметил сэр Байард.

– Да, но только не в этом доме. Госпожа Фрайарсгейта не

допустит подобного неуважения к своей старой подруге.

– А шотландцы готовят неплохое виски, – объявил сэр Байард.

– Верно, – усмехнулся Эдмунд.

Через два дня, когда солдаты уже готовились к отъезду, появилась Розамунда. Она поблагодарила сэра Байарда за попечение над старшей дочерью и настояла, чтобы он взял немного денег за свои труды. Сначала он отказывался, но потом положил кошель в карман, поцеловал ей руку и пространно распрощался. Розамунда долго смотрела вслед отряду, прежде чем войти в дом.

– Где Филиппа? – спросила она Мейбл.

– В своей спальне. Дуется! – язвительно фыркнула та. – Не понимаю, что стряслось с нашей милой девочкой, Розамунда. Все время ворчит, всем недовольна и постоянно ссорится с Бесси. А эта Люси так задирает нос, словно сама стала королевой! С собой они почти ничего не привезли, и Филиппа загоняла швею, заставляя ее переделывать старые платья, которые ей не годятся, потому что грудь выросла! А пока не вылезает из дорожной одежды. Когда я спросила, почему она не захватила побольше вещей, Филиппа ответила, что не собиралась пробыть здесь долго и не желала удлинять и без того утомительное путешествие, таща за собой телегу с багажом. Та Филиппа, которую я помогала тебе растить, куда-то исчезла, и я не уверена, что люблю девушку, от которой осталось только имя и сходство с прежней Филиппой.

– Это все двор, – невозмутимо ответила Розамунда, обнимая за плечи старую няню.

– Мы тоже были при дворе, но, вернувшись, не презирали тех, кому ни разу не довелось там побывать, – возразила Мейбл.

– Помни семейный девиз Болтонов, Мейбл: «Ищи свой путь». Именно это и делает моя дочь, насколько я понимаю, – спокойно пояснила Розамунда. – Но она молода и ранена в самое сердце. Не столько потерей Джайлза Фицхью, сколько позором, который тот на нее навлек.

– Тот джентльмен, что проводил ее домой, привез письмо от королевы, – вспомнила Мейбл. – Подозреваю, что там немало такого, в чем мистрис Филиппе не слишком хочется признаваться. С одной стороны, ей не терпелось дожидаться вашего возвращения, с другой – она не слишком торопится вас увидеть.

Она вручила хозяйке свиток. Розамунда рассмеялась. Она по-прежнему была красива, хотя живот уже набух седьмым ребенком, который родится в феврале, как раз когда ее овцы начнут ягниться.

– Давай поскорее покончим с этим, Мейбл. Пошли кого-нибудь за моей дочерью.

– Мама! – вскричала Элизабет, вбегая в комнату. – Я увидела, как твою лошадь ведут на конюшню. Надеюсь, ты приехала не одна, иначе папа будет вне себя.

– Нет, дорогая, меня сопровождали несколько членов на-

шего клана, – заверила Розамунда и, склонив голову набок, присмотрелась к дочери. – Ну что же, никаких следов побоища я пока не вижу.

Бесси взорвалась смехом.

– Я слишком проворна для мисс Задавалы! Она стала ужасно злой, мама. Кажется, я больше ее не люблю.

– Потерпи, моя дорогая Бесси, – посоветовала Розамунда. – Филиппа сейчас очень несчастлива, поэтому мы должны быть добры к ней. Придется найти для нее выгодную партию, а заменить Джайлза будет нелегко. Филиппа прожила при дворе достаточно долго, чтобы это знать. Под всем высокомерием и гневом скрывается маленькая испуганная девочка. В пятнадцать лет почти все девушки выходят замуж. Неожиданный отказ будущего мужа идти к алтарю она считает катастрофой, но Фрайарсгейт – прекрасное приданое, а кроме того, она получит и золото, и серебро. Этого более чем достаточно, чтобы привлечь к ней подходящих женихов. Повторяю, мы должны быть терпеливыми.

– Филиппа говорит, что ненавидит Фрайарсгейт, мама. И что если бы ее земли не были так далеко на севере, Джайлз не бросил бы ее, – ответила Бесси.

– Уже сплетничаешь, нахалка? – осведомилась Филиппа, появляясь в комнате и поправляя простое зеленое платье. – Мама, я счастлива тебя видеть... о Господи, ты опять понесла?

– Бесси, крошка, пойди на кухню и скажи кухарке, что я

дома. Филиппа, подойди и сядь со мной у огня. Да, я снова понесла. Малыш родится в феврале. Вероятно, снова будет мальчик, потому что девочки у Логана не получаются.

Она уселась, так и не развернув письма, и заметила настойчивый взгляд Филиппы.

– Сама расскажешь, о чем пишет королева, или мне прочесть письмо, прежде чем мы поговорим? – спросила она дочь.

– Как хочешь, мама. Уверена, что королева приняла случившееся слишком близко к сердцу. И похоже, считает, что я страдаю по Джайлзу Фицхью, а это вовсе не так! Ненавижу его за то, что в такой спешке отделался от меня! Теперь мне придется остаться старой девой. Я несчастлива, мама, но не собираюсь плакать из-за этого благочестивого дурака!

Розамунда сломала печать на письме, развернула свиток и начала читать, время от времени поднимая брови. Филиппе показалось, что на ее губах промелькнула тень улыбки. Мать прочла послание дважды, желая убедиться, что поняла отношение Екатерины к случившемуся. Наконец она отложила письмо и спокойно заметила:

– Будь ты дочерью кого-либо другого, Филиппа, тебя с позором выгнали бы со службы и отослали домой, не пригласив вернуться.

– Но меня пригласили! К Рождеству! И оставили за мной прежнее место фрейлины, – возразила Филиппа.

– Только потому, что королева ценит нашу дружбу.

– Король тоже заступился за меня. Он был так добр! Говорят, Инес де Салинас однажды застала вас вдвоем в весьма рискованной позе и распустила сплетни. Королева тебя простила, но ты добилась, чтобы Инес отлучили от двора. Это правда?

– Наглая ложь! – отрезала Розамунда, не собираясь делиться с дочерью секретами своего прошлого. Подобные вещи Филиппы не касаются. – Я знала короля еще мальчиком, – тихо продолжала она, – когда он жил на попечении своей бабушки. По-моему, глупо слушать сплетни, особенно старые, но мы говорим не о моей жизни при дворе, а о твоём бесстыдном поведении. Что на тебя нашло? Пить до потери сознания! Играть в кости на свою одежду! Как мне найти тебе порядочного мужа, если все узнают о твоих выходках? Король Генрих был добр к тебе? Еще бы! Он хорошо помнит твоего отца и его преданную службу дому Тюдоров. Хорошо бы его старшая дочь выказывала такое же благородство! И хотя королева пишет, что надеется на твое возвращение к Рождеству, решение остается за мной, и только за мной. Я очень рассержена на тебя и не знаю, позволю ли тебе вернуться ко двору.

Филиппа подскочила как ошпаренная.

– Я умру, если меня заставят остаться в этом болоте, мама! Именно этого ты хочешь? Хочешь, чтобы я умерла? Я должна вернуться ко двору! Должна! – выкрикнула она, глядя на мать безумными глазами.

Розамунда не тронулась с места.

– Садись, Филиппа. Теперь я вижу, почему королева так встревожена. Ты потеряла всякое чувство меры, а твое поведение совершенно вышло из-под контроля. Я недовольна тобой, дочь моя. Согласна, поступок Джайлза был ребяческим, эгоистичным и бездумным. Ему следовало написать отцу о своем решении, прежде чем вернуться домой и объявить об этом всем и вся.

– Я л-любила его, – всхлипнула Филиппа.

– Ты едва его знала! – без обиняков отрезала мать. – И видела всего однажды, в десять лет, когда я отвезла тебя ко двору, чтобы представить королю и королеве. Его отец предложил этот союз, от которого я не отказалась сразу, но и не согласилась. Сказала, что необходимо подождать, пока ты не станешь старше. К тому времени как ты вернулась ко двору, Джайлз уехал учиться на континент. Ты сочинила романтическую фантазию, в которой Джайлз казался рыцарем и героем. Знаешь, это даже хорошо, что Джайлзу не суждено стать твоим мужем, ибо я искренне сомневаюсь, что он смог бы оправдать твои ожидания и стать достойным образа того сказочного возлюбленного, который сложился в твоей голове.

– Мама! – воскликнула Филиппа. – Я никогда не думала о нем как о возлюбленном!

– Неужели? В таком случае он абсолютно тебе не подходит! Женщина должна вожделеть человека, за которого со-

бирается замуж. Пусть я была девушкой скромной, но едва смогла дожидаться, когда твой отец уложит меня в постель! И, поверь, мне до смерти хотелось заполучить сначала Патрика Лесли, а потом и Логана Хепберна. Неужели не помнишь, какая страсть пылала между мной и Гленкирком?

– Я считала это чудесным, хотя немного странным, – призналась Филиппа. – Но большинству людей не довелось испытать подобной любви. Они женятся и выходят замуж ради богатства, влиятельных связей и появления на свет наследников. Так считает королева.

– Вот как? Что же, полагаю, этого может быть достаточно для принцессы Арагонской, которая выходит замуж за короля Англии. Но не для меня и не для тебя, Филиппа, – покачала головой Розамунда, смахивая слезы со щек дочери. – Джайлз обидел тебя, дорогая девочка. Смирись, и когда твое сердце снова успокоится, мы найдем тебе молодого человека, которого ты сможешь полюбить, как любила когда-то я. Ты не королева, Филиппа. Ты всего лишь наследница Фрайарсгейта.

– Ты не понимаешь! – вскрикнула Филиппа, отстранившись. – Мне не нужен Фрайарсгейт, мама. Я не хочу провести здесь остаток дней моих. Я люблю двор: волнение, состязания, интриги, сплетни, яркие цвета. Для меня это центр вселенной, и я мечтаю остаться там навсегда!

– Ты расстроена, Филиппа, и сама не знаешь, что говоришь, – спокойно ответила Розамунда. – Как можно отказы-

ваться от Фрайарстейта? Девочка, ты просто не в себе, и сейчас не время это обсуждать... Я пошлю в Оттерли за Томом и твоей сестрой, – решила она, меняя тему.

– Надеюсь, Бэнон выглядит опрятнее, чем Бесси. И лучше воспитана, – кисло пробормотала Филиппа. – Как ты можешь позволять дочери бегать босиком и валяться в грязи? Она все время проводит на лугах вместе с овцами. Меня овцы никогда не интересовали. Разве она больше не берет уроки у отца Маты?

– Она куда образованнее тебя, Филиппа, – возразила Розамунда. – Прекрасно знает несколько языков, включая латынь и греческий. И может говорить на голландском и немецком, чего я определенно не умею.

– Но зачем ей голландский и немецкий? Французский – вот рафинированный язык! Мой значительно улучшился, пока я жила среди придворных. И папа гордился бы мной, ибо это он учил меня говорить. А кто наставляет Бесси в этих грубых и неуклюжих языках?

– Бесси очень интересуется нашей торговлей шерстью. Она дважды сопровождала меня в Нидерланды. У нас в Амстердаме есть маклер, который отдал нам своего сына в ученики. Мальчика зовут Ганс Стин. Он изучает ткацкое дело и заодно учит Бесси языкам, которые понадобятся ей в торговле с Северной Европой. Вряд ли Бесси когда-нибудь захочет поехать ко двору.

Филиппа от возмущения потеряла дар речи.

– Неужели Бесси предпочитает стать торговкой? – спросила она наконец. – О, я буду безвозвратно опозорена, если кто-нибудь узнает, что моя сестра ведет себя как простолоудинка! Неужели ты поощряешь ее? Да, разумеется, мы люди не знатные, но благодаря тебе приобрели некоторое положение в обществе.

– У твоей младшей сестры нет земель, Филиппа. И хотя благодаря моему кузену Тому у нее будет неплохое приданое, она не годится в жены доброму фермеру. Зато когда-нибудь станет бесценным приобретением для наследника богатого торговца. Кроме того, она умна и не захочет стать всего лишь украшением дома какого-то мужчины.

– Поверить не могу, что ты позволишь отпрыску моего отца пасть так низко, – неодобрительно поморщилась Филиппа.

– Что я слышу! – воскликнула Розамунда. – Откуда, потвоему, взялось наше богатство, глупая ты девчонка?

– Дядюшка Томас богат, – наивно ответила девушка.

Розамунда рассмеялась:

– А что стало источником его богатства? Наши прадеды были близнецами. Мартина Болтона послали в Лондон, и там он женился на дочери торговца, у которого был учеником. Она родила сына, и все было бы хорошо, но король Эдуард IV случайно увидел ее, соблазнился хорошеньким личиком и совратил бедняжку. От стыда она покончила с собой. Король Эдуард чувствовал свою вину, особенно еще и потому, что

Мартин и его тесть были яркими приверженцами Тюдоров и щедро ссужали деньги трону. Поэтому король пожаловал Мартину Болтону дворянство. Вот так мы и стали благородными господами. Но торговля в той или иной форме всегда умножала благосостояние семьи. Жаль, что ты этого не понимаешь и считаешь, что зарабатывать на хлеб собственным трудом позорно. Жизнь при дворе лишила тебя моральных принципов и понятия о том, что хорошо и что плохо. Думаю, тебе не стоит возвращаться, пока ты вновь не обретишь этих добродетелей, дочь моя. И нечего смотреть на меня волком. Я все решила, и только перемены к лучшему заставят меня изменить свое мнение.

– Это ты не понимаешь! – вскричала Филиппа. – Потому что никогда не была молодой!

– Мне этого попросту не позволили. Бремя Фрайарсгейта лежало на моих плечах едва ли не с детства. У меня было мало времени на забавы юности. И ты это знаешь. Возможно, я слишком тебя избаловала. Ты вообразила, что имеешь полное право быть эгоистичной. Но это не так! А теперь иди к себе. Я тобой крайне недовольна.

– Я вернусь ко двору на Рождество, если не раньше! – заупрямилась Филиппа. – Даже если придется в одиночку ехать до самого Гринвича. А здесь не останусь. Ненавижу Фрайарсгейт и почти возненавидела тебя за приверженность к этому чертову имению! Ты не понимаешь меня и никогда не понимала!

И Филиппа в слезах метнулась наверх.

Розамунда глубоко вздохнула и, развернув письмо, прочитала в третий раз. С той самой минуты, когда она привезла Филиппу ко двору, было ясно, что она потеряна для матери. Недаром она держала дочь дома до двенадцати лет. Все это время Филиппа совершенствовала греческий, латинский и французский, сражалась с иголкой, пока не овладела искусством вышивания, выучила все возможные танцы, пела, играла на лютне и маленькой ирландской арфе так, что окружающим ее музыка казалась ангельской. Мылась куда чаще, чем остальные дочери Розамунды, и ухаживала за своим лицом, как за редкостным сортом роз. Заставляла Люси утром и вечером расчесывать длинные рыжеватые пряди, проводя по ним щеткой сто раз, готовилась к придворной жизни и своему положению фрейлины королевы. И в пятнадцать лет ей предстояло обручиться со вторым сыном графа. Филиппа жила именно так, как ей хотелось. До последнего времени.

– Вижу, ты выдержала шторм, – хмыкнула Мейбл, садясь рядом.

– С трудом, – покачала головой Розамунда. – Она очень сердита. Я сказала, что она не вернется ко двору, пока не изменит своего поведения. А она ответила, что вернется, даже если придется идти туда пешком. Я никогда не была такой упрямой!

– Была, и еще какой, но тогда дело касалось Фрайарсгейта и тех, за кого ты, как хозяйка, отвечала. А Филиппа превра-

тилась в эгоистку. Может, она всегда была такой, но мы этого не замечали, потому что она была ребенком. Она заботится только о жизни при дворе и о себе. Если бы ты видела, как она презирает Бесси, которая так любит эту землю!

– Я должна поговорить с Томом, – коротко бросила Розамунда.

– Не с Логаном? – удивилась Мейбл.

– Нет. Пусть Логан мой муж, но он никогда не понимал меня во всем, что касается Фрайарсгейта. Это его единственная слабость, – улыбнулась она. – А вот Том поймет и подскажет, что делать с Филиппой. Логан же выдаст ее за первого попавшегося подходящего жениха, которого только сможет найти, а остальное не его забота. Мой муж не станет мириться с дурным поведением падчерицы. Нет, Том должен приехать как можно скорее, ибо, если я останусь здесь надолго, появится Логан и тогда начнется ад. Как отчим, он имеет право даже побить ее и, вне всякого сомнения, если посчитает необходимым, возьмется за ореховую розгу. И, между нами говоря, она давно на это напрашивается.

– Но как мужчина может пороть дочерей?! – в ужасе пробормотала Мейбл.

– Он человек грубый, хотя и не жестокий, и пару раз задал трепку Александру да и моему маленькому Джейми. Оба ужасные озорники, как тебе известно. Не то что Джон, милый тихий мальчик. Так что скорее посылай за Томом.

– Уже. Эдмунд одновременно отправил гонцов за тобой и

за Томом. Он должен быть если не сегодня к вечеру, то уж утром наверняка. С мистрис Филиппы сойдет спесь, когда она увидит нашу Бэнон, самую красивую из твоих девочек. Раньше я думала, что она, как и Филиппа, вырастет похожей на вас, но девочка также многое взяла от Оуэна, упокой Господи его добрую душу. С такими голубыми глазами она вполне могла быть дочерью нашего лэрда!

– Почему же? У моих дядюшек тоже голубые глаза. Но ты права, и если Бэнон в тринадцать так прекрасна, что же будет через два года?

– Еще одна, которой потребуется муж, – мрачно предсказала Мейбл.

– Предоставлю это Тому, – отмахнулась Розамунда. – Она его наследница, и пусть сам выбирает мужчину, который станет мужем Бэнон и следующим хозяином Оттерли. Это не моя забота, хотя, конечно, с моим мнением тоже не мешает считаться.

За ужином все были невеселы. Филиппа почти все время молчала и открывала рот, только чтобы в очередной раз уколоть младшую сестру. Элизабет Мередит была не из тех, кто способен спокойно сидеть и слушать язвительные реплики в свой адрес. Сначала Розамунда пыталась сохранить мир между дочерьми, но наконец и она сдалась.

– Немедленно идите в постель. Обе! Не желаю слушать ваши препирательства! Если не можете быть вежливыми друг с другом, не хочу видеть вас за столом!

Сестры, перебраниваясь на ходу, направились в спальню. Розамунда с тяжелым вздохом закрыла глаза. Жизнь была такой мирной до появления Филиппы!

Неприязнь ко второму сыну графа Ренфру росла с каждой минутой. Во всем виноват только он! Если та жизнь старшей дочери, которую она себе представляла, непоправимо разрушена, то и Розамунде отныне не будет покоя. Девушка ведет себя просто недопустимо!

– Я иду спать! – бросила она, ни к кому в особенности не обращаясь, и покинула зал.

Утром со стороны холмов донесся сигнал рога, и на тропе показались всадники: Томас Болтон и Бэнон Мередит. Впереди скакал молодой человек, трубивший в рог. Рядом с лошадьми бежали худые серые борзые и овчарка. Лорда Кембриджа и его наследницу сопровождали шестеро солдат. Они подъехали к самой двери, и Розамунда сбегала вниз, чтобы приветствовать их. Лорд Кембридж спешил и снял Бэнон с седла.

Бэнон Мэри Екатерина Мередит была прелестной девочкой на пороге юности, готовой вступить во взрослую жизнь. Темно-синяя шелковая амазонка оттеняла голубизну глаз. Рыжеватые волосы были убраны под остроконечный капюшон, с которого свисала тонкая батистовая вуаль.

– Мама! – воскликнула она, выскальзывая из объятий Томаса и горячо целуя Розамунду. – А где Филиппа? Мне не терпится ее увидеть!

Она улыбнулась, удивительно напомнив Розамунде ее мать, которую она едва знала.

– Подожди, дитя мое, – посоветовала Розамунда. – Филиппа очень изменилась. Она сейчас несчастная и сердитая.

– Вернее, эгоистичная и злобная, – фыркнула Бесси Мердит, услышав слова матери. – Бэнон, как чудесно ты выглядишь!

После этих слов она повернулась и бросилась Тому на шею.

– Дядя Томас! Что ты мне привез?

– Бесси, – мягко пожурела дочь Розамунда, но Том только рассмеялся и, сунув руку за пазуху элегантного камзола, вынул спящего котенка удивительного оранжевого цвета.

– Это сойдет, мадам?

Бесси, восхищенно взвизгнув, взяла котенка и, прижав к себе, заглянула в золотистые глазки и поцеловала в носик.

– Откуда ты узнал, что я хочу именно котенка?

– Тебе всегда требуется какое-нибудь живое существо, а я привез тебе достаточно щенят, чтобы хватило на охотничью свору. Вот и подумал, что для разнообразия неплохо бы котенка. Может, он удовлетворит твою алчную натуру.

– О, спасибо! – пылко поблагодарила Бесси, взяла под руку Бэнон и отвела в сторону, что-то горячо шепча ей на ухо.

– Так что же случилось, дорогая моя? – осведомился лорд Кембридж.

– С Филиппой беда, – пожаловалась Розамунда, уводя го-

стя в дом. — Она приехала домой в дурном настроении, постоянно ругается с Бесси, которую ни в чем не одобряет. Я встревожена, Томас, и мне нужен твой совет. Что делать с моей старшей дочерью? Я совершенно растерялась.

— А где Логан? — спросил кузен, беря чашу с вином, поднесенную слугой.

Они прошли в зал и уселись у огня.

— В Клевенз-Карне с нашими мальчиками, и пусть остаются там как можно дольше. Он непременно выпорет Филиппу, если та ответит грубостью, а она грубит всем и каждому. Заявляет, что терпеть не может Фрайарсгейт, и почти ненавидит меня за то, что я люблю его больше, чем своих детей. Боюсь, ее не урезонить.

— И все из-за парня Ренфру?! Да, семья у них приличная, но не представляю, как кто-то из них может пробудить такую страсть в женской груди! Тут что-то не так, — заметил Том Болтон, пригубив вино.

— Ее отослали домой, Том, — призналась Розамунда. — О, ее просили вернуться, когда она оправится от своего разочарования, однако решение оставили за мной.

— Но почему ее отослали домой? — с любопытством допытывался Томас.

— Она с подругой и три молодых джентльмена забрались на крышу Наклонной башни, где напились и стали играть в кости. Моя дочь проиграла все деньги и принялась ставить на кон предметы своей одежды. Сняла туфли, чулки, корсаж

и как раз избавлялась от юбки, когда на сцену выступили король и граф Суффолк, вознамерившиеся в ту ночь изучать созвездия.

Томас Болтон разразился смехом.

– Дорогая моя девочка, я и не подозревал, что в Филиппе сидит дьявол! И смех, и грех!

– О, Том, тут не до веселья! Не считайся я подругой королевы, репутация Филиппы была бы погублена. К счастью, незадолго до того все оставили двор на лето, не желая переезжать из одного охотничьего уголья в другое и вспомнив о собственных землях, иначе бы несчастья не избежать! Нужно срочно найти другого жениха для Филиппы, а я не знаю, с чего начать.

– Ах, кузина, – покачал головой Томас, – я давно не видел тебя такой расстроенной. Значит, дело действительно серьезное. Думаю, неплохо бы поговорить с Филиппой и выслушать ее, прежде чем решать, как поступить в этом случае. Надеюсь, Логан на все это время останется по ту сторону границы. Твой коварный шотландец – человек вспыльчивый и несдержанный, а если Филиппа действительно так необузданна, эти двое поубивают друг друга.

Розамунда кивнула:

– Сейчас велю служанке сбегать за Филиппой, а сама уйду, ибо последнее время мы с ней не можем перемолвиться словом, чтобы не поссориться. Я ношу третьего сына для Логана и стараюсь поменьше волноваться. Если захочешь пого-

ворить со мной перед обедом, я буду в саду.

Томас посмотрел вслед кухне и вздохнул. Какая жалость, что он не из тех, кто женится! Лучшей жены, чем она, ему не найти! Они сразу же поладили, и она всегда старалась прийти к нему за советом, только теперь это случалось все реже. И немудрено: в конце концов, жене пристало исповедоваться своему мужу. Но очевидно, возникшая проблема требует особой деликатности, а Логан Хепберн этим качеством не отличается.

– Дядюшка!

Подняв глаза, Томас увидел стоявшую перед ним Филиппу.

– Дорогая моя девочка! – обрадовался он. – Хотя я на седьмом небе от счастья видеть тебя, твое платье – настоящий кошмар! Надеюсь, новые моды при дворе не таковы?

Легкая улыбка коснулась губ девушки, но исчезла так же быстро, как появилась.

– Я оставила придворные туалеты в лондонском доме. Не стоило привозить их сюда. Они совершенно не подходят для здешней обстановки, и, кроме того, путешествие по длинным пыльным дорогам окончательно бы их испортило.

– Но что же ты носишь, дорогая? Абсолютно непривлекательный вид!

– Велела переделать оставленные здесь платья, – объяснила девушка.

Том устало покачал головой:

– Твоя фигура... скажем так, налилась за время отсутствия. Такое впечатление, будто на платье пожалели ткани. Нет, дорогая, так не пойдет. Нужно немедленно шить новые наряды, не такие, которые можно носить при дворе, а специально для визита в деревню, по крайней мере они будут прилично на тебе сидеть. Кровь Христова, дорогая, то, что на тебе надето, делает плечи широкими, как у деревенской девки, которая тянет плуг для своего мужа.

Том брезгливо передернул плечами. Филиппа невольно рассмеялась:

– Дядюшка, наконец-то у меня появилась причина радоваться своему возвращению! Почему ты, при всей любви к веселью и развлечениям придворной жизни, так стремишься запереться в этой уединенной Камбрии?

– Ах, дорогая девочка, ты права, когда-то и я наслаждался забавами двора. Впервые приехав во Фрайарсгейт, я был поражен любовью твоей матери к этим землям. Но со временем блеск двора бледнеет, особенно когда видишь зимний расцвет с вершины холма, или первые весенние цветы, пробивающиеся сквозь снег, или привлекающие взор сполохи красок. Возможно, все дело в возрасте, дорогая Филиппа, но теперь я предпочитаю Камбрию, иначе не продал бы свой дом в Кембридже.

– Но сохранил дома в Лондоне и Гринвиче, – напомнила Филиппа.

– Только для тебя, дорогая девочка. Я с первого взгляда

увидел, что ты рождена для двора.

— О, дядя, я знала, что ты поймешь! — вскричала девушка. — А вот мама не понимает, ибо Фрайарсгейт — весь смысл ее жизни. Как жена Джайлза Фицхью, я могла бы оставаться при дворе. А что со мной будет теперь? Королева примет меня обратно, но надолго ли? А Сесилия скоро выйдет замуж, да и остальные подруги тоже, только я останусь старой девой.

— Так вся проблема в этом? — уточнил лорд Кембридж.

— Не только. Как мне найти мужа, если мои имения так далеко на севере, что это практически уже Шотландия? Сам Джайлз утверждает, что не мог бы жить в такой Богом забытой глуши. А мама никогда не одобрит моего замужества, если жених не сумеет управлять этими землями. Единственная моя мечта — быть рядом с их величествами!

— Уверена, что Фрайарсгейт тебе не нужен? Пусть климат здесь суров, зато наследство достаточно велико.

— Я не могу получить и Фрайарсгейт, и жизнь при дворе, — вздохнула девушка. — И если приходится выбирать, я выбираю двор. Мама считает, что я говорю сгоряча, под влиянием минуты, но это не так. Просто я не питаю к этим землям такой страсти, как она, и с радостью уехала бы хоть сейчас. Я удрала бы в столицу в день своего десятилетия, и то время, которое мама заставила меня выждать, было пыткой. Я жила в постоянном страхе, терзаясь мыслью, что мама может передумать.

Томас все понял. Даже то, что сердце Розамунды будет

разбито. Но ничего не поделаешь: Филиппа исполнена такой же решимости вернуться ко двору, как Розамунда – провести всю жизнь в этих краях.

– Я должен подумать, дорогая Филиппа, – кивнул он, – и надеюсь, что сумею помочь тебе и твоей матушке справиться с этой, казалось бы, неразрешимой проблемой. Ты мне доверишься?

– Разумеется, дядя, – улыбнулась Филиппа.

Глава 5

Логан Хепберн во главе членов своего клана перебрался через границу. Бок о бок с ним на одинаковых черно-белых пони скакали два старших сына – Джон и четырехлетний Александр. В седле перед ним гордо восседал младший – Джеймс. Джейми только начинал учиться верховой езде и очень разозлился, узнав, что старшие братья совершат поездку во Фрайарсгейт на собственных лошадках, тогда как ему придется ехать с отцом. Озорник лягался и визжал, но увесистый шлепок по пухлой попке быстро его урезонил. Он не видел улыбки отца, довольного столь взрывным характером сына. В то время как Джон унаследовал спокойный характер своей матери Дженни Логан, первой жены Хепберна, Алекс и Джейми были куда более необузданными. Логан всегда знал, что Розамунда подарит ему сильных сыновей. Так оно и вышло. А в середине зимы на свет появится еще один Хепберн!

И Логан снова улыбнулся.

Он не любил надолго разлучаться с женой. Его единственная слабость, ничего не поделаешь. Получив сообщение о том, что старшая дочь неожиданно вернулась домой, она немедленно удрала во Фрайарсгейт. Он долго терпел, но ее не было уже месяц, и хотя время от времени он получал короткие послания, никаких признаков ее скорого возвраще-

ния не наблюдалось. Логан желал видеть жену рядом с собой, а вразумительного объяснения столь долгого отсутствия до сих пор не получил. Лето вот-вот закончится, поэтому Логан приехал, чтобы отвезти жену назад, хотя в глубине души подозревал, что это окажется не так легко, как он надеялся, и поэтому захватил с собой мальчишек. Возможно, если все дети, от самой старшей до последнего малыша, соберутся под одной крышей, сердце жестокой красавицы немного смягчится? Розамунда, если ей взбредет в голову, может быть ужасно упрямой.

Логан улыбнулся. Это была одна из причин, по которым он так горячо ее любил.

Розамунда предвидела его приезд, зная, что долго он без нее не вынесет. И когда прибежавшая Бесси сообщила, что с холма спускается отчим во главе отряда и везет с собой детей, мать только весело хмыкнула.

– Нечего задирать нос, дорогая девочка, – одернул ее Томас. – И вид у тебя чересчур самодовольный. Этот несчастный всегда сходил с ума по тебе, и ты это знаешь. Но хотя я ему рад, все же следует подумать о том, как не допустить ссоры между ним и Филиппой. Из всех твоих девочек он больше всего любит Бесси и не допустит никакой грубости по отношению к ней.

– Логан приехал, чтобы увезти меня в Клевенз-Карн, а я не смогу поехать, пока не решу, что делать с Филиппой. Прежде всего он отведет меня в сторонку и станет угова-

ривать отправить ее обратно ко двору. Когда никакая лесть не поможет, он начнет подыскивать ей жениха среди своих дружков. О, Том, неужели ты не можешь ничего придумать? Мне не хотелось бы спорить с Логаном.

– Есть кое-какие мыслишки, но я еще не вполне уверен. Сначала, пожалуй, примем нашего дерзкого приграничного лэрда с распростертыми объятиями. Сейчас не время объясняться. Кроме того, Филиппа тоже должна согласиться с моим планом. А вдруг она решит остаться на севере и изъяснит готовность выйти за кого-нибудь из рода Невиллов, Перси или за шотландца, как ее мать?

– Никогда! – пылко воскликнула Филиппа, входя в зал. – Мама, Логан приехал. Значит, ты скоро покинешь нас? В таком случае можно я отправлюсь к своей госпоже в Вудсток?

– Я не стану ссориться с тобой. Особенно теперь, когда Логан вот-вот появится в доме, – процедила Розамунда сквозь стиснутые зубы. – Я должна обсудить с отчимом, что делать с тобой дальше.

– Значит, ты написала ему? – допытывалась Филиппа.

– Разумеется. Ведь твое будущее нам небезразлично. Мы с Логаном должны поговорить о нем с глазу на глаз. И только потом уведомим тебя о нашем решении.

Поднявшись со своего места у очага, Розамунда вышла навстречу мужу.

– Ничего, Логан убедит ее отправить меня назад, – злобно предрекла Филиппа.

– Ее не уговорить, пока она сама не посчитает, что сделала для тебя все возможное, – возразил лорд Кембридж.

– Логан хочет вернуть ее в Клевенз-Карн. Они в разлуке уже несколько недель. Только поэтому он будет из кожи вон лезть, чтобы отделаться от меня. И наверняка сумеет ее улестить, – усмехнулась девушка.

– Иди поздоровайся с отчимом, а потом возвращайся, и мы потолкуем о твоих делах. Пойми, дорогая, я единственный, кого послушает твоя мать. И только я смогу осуществить твои заветные желания.

– Правда, дядюшка? – с любопытством спросила она.

– Иди! – резко бросил он.

Филиппа повернулась и поспешила к выходу. Сердце забилось чаще, и она вдруг испугалась, что лишится чувств. Сколько она помнила себя, именно Томас Болтон считался добрым волшебником этой семьи. Как она могла забыть? Если не он, кто ей поможет?

Филиппа широко улыбнулась.

– Логан! – воскликнула она, привстав на цыпочки и целуя его обветренную щеку. – Похоже, я слишком взрослая, отчим, чтобы называть тебя папой. Как по-твоему, я выросла?

Она кокетливо повертелась перед ним.

– Ничего не скажешь, девица, ты стала настоящей юной леди. Я бы не узнал тебя, не будь ты так похожа на мать, какой я впервые ее увидел, – признался Хепберн, целуя Филиппу в лоб.

– Ты, конечно, захочешь поговорить с мамой, – учтиво сказала Филиппа.

– Да, девочка, но сначала пойдешь поздороваешься с братьями. Они не помнят тебя, если не считать Джонни, которому было всего три года, когда ты уезжала. Алекс тогда еще едва научился ходить, а наш Джейми даже не родился. Эй, парни! Вот ваша старшая сестра Филиппа. Покажите, что не забыли хорошие манеры, которым учила вас матушка!

Джон Хепберн торжественно промаршировал к Филиппе, взял ее руку и, поклонившись, поцеловал с изяществом истинного придворного.

– К сожалению, сестрица, я почти не помню тебя, хотя ты очень похожа на нашу маму.

– А ты, Джонни Хепберн, – на ту, что родила тебя. Дженни Логан была такой красивой и доброй женщиной!

– Благодарю за похвалу, хотя мама умерла, когда я был совсем младенцем, – вздохнул Джонни и, подтолкнув братьев вперед, добавил: – Это Александр, а это Джейми. Он ужасный плакса и, если что-то не по нему, может ныть часами.

– Не смей! – завопил Джейми, принимаясь колотить старшего брата маленькими жесткими кулачками. – Возьми свои слова обратно!

– Немедленно поздоровайся с сестрой, шут ты этакий! – велел Джонни.

– Я не считаю тебя шутком, Джейми Хепберн, – вступилась Филиппа. – Только настоящий храбрец мог наброситься на

того, кто старше и сильнее.

Малыш с темными отцовскими волосами и янтарными глазами матери смело взглянул на нее.

– Ты хорошенькая, – отметил он.

– Другого приветствия от него не дождешься, – заверил Александр Хепберн. – Я не помню тебя, но счастлив иметь такую красавицу сестру.

Голубые глаза встретились с зеленовато-карими.

– Я Александр Хепберн.

– А разве в присутствии Бэнон и Бесси ты не чувствуешь себя счастливым? – спросила Филиппа с лукавой улыбкой.

– Иногда. А иногда – нет, – без обиняков ответил парнишка, улыбнувшись в ответ.

– Оставляю вас и маму поговорить после разлуки, – кивнула Филиппа. – Братцы, вы можете идти на кухню, где кухарка приготовила для вас кое-что вкусненькое. А мне нужно потолковать с дядюшкой Томасом.

Она подтолкнула братьев к лестнице, ведущей на кухню, и грациозно поплыла к камину, где на стуле с высокой спинкой удобно устроился Томас с кубком вина в унизанных перстнями пальцах. Филиппа устроилась напротив и вопросительно уставилась на него.

– Как ты можешь помочь мне избежать тоски этой прославленной овцеводческой фермы? – поинтересовалась она.

– Ты чересчур нетерпелива, дорогая, – усмехнулся он, поднося кубок к губам. Драгоценные камни переливались,

весело подмигивая девушке.

– Дядюшка, мне ужасно скучно! Я торчу здесь уже шесть недель. Август подходит к концу, и мне пора назад.

– Так и будет, солнышко, ибо теперь мне ясно, что Фрайарсгейт не место для тебя. Как странно, особенно если вспомнить твою мать в юности. Тогда она, как ты выражаешься, попала в самый центр вселенной. И чего же она добивалась? Всего-навсего вернуться во Фрайарсгейт, в то время как ты, ее старшая дочь, желаешь одного: поскорее убраться отсюда.

Томас усмехнулся, но тут же, вновь став серьезным, спросил:

– Скажи, Филиппа, тебе действительно не нужен Фрайарсгейт, или ты всего лишь злишься и раздражена из-за отказа Джайлза Фицхью жениться на тебе? Мне нужна правда, дорогая девочка. Без этого я не смогу тебе помочь.

– Фрайарсгейт мне совсем ни к чему. Клянусь! – вскричала Филиппа.

– Но это богатое наследство. Уверена, что с легким сердцем откажешься от него?

– Совершенно уверена. Какая мне от него польза? Эти земли слишком далеко от столицы. Я предпочитаю жить при дворе, а такому не бывать, если Фрайарсгейт станет моим. Я хорошо представляю ответственность, которая ляжет на плечи хозяйки такого огромного имения. Поэтому и не хочу брать ее на себя. Предпочитаю служить королеве.

Томас долго задумчиво молчал. Филиппа не осмелилась прервать его размышления. Наконец лорд Кембридж объявил:

– Если Фрайарсгейт тебе ни к чему, что же тебе еще нужно, кроме жизни при дворе и службы королеве?

– О, дядюшка, я знаю, что вы с матушкой сколотили состояние на торговле тканями. Нельзя ли выделить мне небольшую часть вашего совместного богатства? Достойное приданое и небольшой доход – вот все, чего я прошу. Жить при дворе, платить служанке жалованье – что может быть лучше?

– А муж? Как насчет мужа, Филиппа?

Девушка покачала головой:

– За последнее время мы достаточно говорили с матерью, чтобы понять: я никого по-настоящему не любила и менее всех – Джайлза Фицхью. Сдержи он слово, я бы вышла за него и считала себя счастливой. Возможно, на несколько лет, а может быть, навсегда. Кто это знает, дядюшка? Но хотя я считаюсь богатой наследницей, какая мне польза от северных земель? Поэтому я вполне удовлетворюсь малой частью. Если когда-нибудь встретится человек, который меня полюбит и будет мне дорог, у меня найдется приличное приданое. Таких, как я, при дворе полно, как ты знаешь не хуже меня. Взять хотя бы моего отца. Его женитьба на матери подняла его из неизвестности и сделала уважаемым землевладельцем. Что, если какой-нибудь придворный, имеющий небольшой дом и скромный доход, будет счастлив жениться на мне?

Я не бегу от брака.

– Но ты гордая девушка, Филиппа, – напомнил лорд Кембридж. – Сможешь ли ты довольствоваться простой жизнью?

– Можно подумать, у меня есть выбор, – вздохнула она.

– Посмотрим, дорогая. А теперь пообещай, что полностью мне доверишься. И для начала перестань ссориться с сестрами, ибо Бэнон – моя наследница, и я не позволю ее обижать. А Бесси – любимица твоего отчима, как единственная девушка в Клевенз-Карне. Если хочешь настоять на своем, ты непременно должна позволить мне решить твою судьбу.

– И я вернусь ко двору? – обеспокоенно уточнила она.

– Обязательно, и как раз поспеешь к рождественским праздникам. А теперь поклянись мне в верности, Филиппа Мередит, и дай руку в знак исполнения клятвы.

Он протянул руку, и она вложила в нее свою маленькую ладошку.

– Я доверюсь тебе, дядя, и постараюсь никому не доставлять огорчений, – пообещала девушка.

– Вот и прекрасно.

– А ты не можешь изложить мне свой план? – не выдержала Филиппа.

– Слишком рано, и, кроме того, сначала я должен кое-что сделать, – отказался он.

Розамунда незаметно следила за Томасом и дочерью с противоположной стороны зала. Что он задумал? Скорее бы все закончилось, поскольку Логан уже не дает ей покоя, тре-

буя возвращения в Клевенз-Карн. Как трудно сказать «нет», когда эти голубые глаза пристально смотрят на тебя! Она пыталась объяснить, что Филиппа горько обижена и даже отказывается от Фрайарсгейта, но муж только отмахнулся.

– Она раздражена и обозлена, – заметил он. – Пусть возвращается ко двору – там она быстро придет в себя.

Пришлось рассказать ему об истории с Наклонной башней, и Логан отреагировал именно так, как она ожидала.

– Я знаю немало здоровых молодых парней, которые с радостью возьмут в жены хозяйку Фрайарсгейта. Очевидно, ее нужно выдать замуж, и поскорее.

– Нет. Все гораздо сложнее. Но Том утверждает, что сможет все устроить, если мы ему позволим. Так я и сделала, поскольку он всегда был мастак на такие дела, любовь моя.

Лэрд Клевенз-Карна кивнул:

– Буду честным, любимая. Филиппа всегда немного пугала меня, хотя мне стыдно в этом признаваться. Какая-то девчонка, но решимости в ней хватит на десяток сильных воинов, и поверь, она способна запугать куда более стойкого человека, чем я. Если Томас Болтон берется устроить ее судьбу, я готов выслушать все, что он захочет сказать. А мы, слава Богу, сможем вернуться домой.

– Прошу, подожди хотя бы несколько дней, дорогой мой господин, – попросила Розамунда. – До сезона утиной охоты еще несколько недель. – Она шутливо усмехнулась: – И как только я окажусь дома, думаю, меня с места не сдвинешь,

пока не рожу тебе сына. На этот раз я чувствую себя хуже и устаю быстрее. Если согласишься, назовем его Томасом в честь нашего кузена. Давно пора это сделать для человека, который был так добр ко мне все эти годы. Ну что?

Логан снова кивнул:

– Да. Том прекрасный человек, несмотря на все его несчастные склонности.

– Значит, ты будешь со мной терпелив?

– Только до конца сентября, мадам, а потом вы возвращаетесь домой, – твердо постановил он, улыбаясь одними глазами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.